О
ШЕРСТОМОЙНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ
ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

С. Ходецкій.

МОСКВА.
въ Университетской Типографіи.
1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Февраля [illegible]-го дня, 1849 года.

Ценсоръ В. Флеровъ.

Изъ N 1-го и 2-го Жур. Сельск. Хоз. и Овцеводства.

О шерстомойныхъ заведеніяхъ въ Южной Россіи.

Настоящею статьею я желаю обратить вниманіе просвѣщенной публики на предметъ, о которомъ до сихъ поръ имѣется очень мало свѣдѣній въ Русской сельско-хозяйственной литтературѣ. Предметъ этотъ составляетъ особенная отрасль отечественной промышленности, подъ названіемъ *фабричной промывки тонкой шерсти.*

Извѣстно, что тонкая шерсть только тогда можетъ быть употреблена для выдѣлки тканей, когда она предварительно очищена отъ грязи и различныхъ жирныхъ и другихъ веществъ, заключающихся въ ней постоянно въ весьма большомъ количествѣ. По этому промывка шерсти есть предметъ, имѣющій самую тѣсную связь съ фабрикаціею шерстяныхъ тканей, а также, какъ само собою ризумѣется, и съ тонкоруннымъ овцеводствомъ. Гдѣ есть тонкору-

ное овцеводство и гдѣ существуютъ фабрики шерстяныхъ издѣлій, тамъ необходимо должна существовать и промывка шерсти.

Вмѣстѣ съ появленіемъ тонкорунпаго овцеводства въ Россіи и съ распространеніемъ шерстяныхъ фабрикъ, появилась у насъ также и промывка тонкой шерсти, какъ отдѣльное, самостоятельное занятіе. Появленіе, распространеніе и нынѣшнее состояніе этой послѣдней отрасли шерстяной промышленности заслуживаютъ, по нѣкоторыхъ обстоятельствамъ, полнаго вниманія со стороны людей, принимающихъ живое участіе въ развитіи отечественной промышленности вообще.

Если мы обратимся къ состоянію тонкорунпаго овцеводства въ Россіи, то увидимъ, что главная масса нашихъ мериносовыхъ стадъ сосредоточена въ Новороссійскомъ краѣ и въ южной, степной части Малороссіи. Изъ восьми милліоновъ (около) тонкорунныхъ овецъ, которыми обладаетъ въ настоящее время Россія, болѣе половины причитается на долю губерній Екатеринославской, Таврической, Херсонской и преимущественно южныхъ уѣздовъ Полтавской и Харьковской. Остальная за тѣмъ, меньшая половина мериносовъ разсѣяна въ губерніяхъ юго-западныхъ, юго-восточныхъ, остзейскихъ, а от-

части и по всему прстранству средней полосы Россіи.

И такъ, преимущественно центрально-южныя губерніи снабжаютъ нашу торговлю тѣми массами тонкой шерсти, которыми она располагаетъ. Каждая изъ этихъ губерній доставляетъ мериносовой шерсти гораздо больше, чѣмъ каждая изъ губерній прочихъ частей Россіи, за исключеніемъ одной только Бессарабіи, гдѣ тонкорунное овцеводство также распространено, какъ и въ Новороссійскомъ краѣ.

Далѣе, если мы сообразимъ ходъ шерстяной торговли въ Россіи, то увидимъ, что тонкая шерсть у насъ сбывается слѣдующими путями: во первыхъ, она поступаетъ въ заграничную торговлю чрезъ порты Черноморскіе, Азовскіе и Бальтійскіе и чрезъ западную сухопутную границу съ Австріею и Пруссіею; во вторыхъ, она расходится по фабрикамъ, разсѣяннымъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, направляясь преимущественно къ западнымъ губерніямъ, гдѣ наиболѣе развито суконодѣліе, и въ третьихъ, она идетъ въ Москву.

Трудно опредѣлить числами, какое именно количество тонкой шерсти расходится по каждому изъ трехъ означенныхъ путей сбыта въ отдѣльности; также не совсѣмъ легко указать,

изъ какихъ именно мѣстъ для каждаго изъ этихъ путей она поступаетъ; однако же, ознакомившись съ ходомъ нашей шерстяной торговли, не трудно понять, какое важное участіе принимаетъ въ ней Москва, этотъ общій центръ нашей внутренней торговли и мануфактуръ. Въ настоящемъ случаѣ можно руководствоваться слѣдующими соображеніями.

По числу имѣющихся въ Россіи мериносовъ, можно съ достаточною точностію вычислить количество ежегодно производимой у насъ мериносовой шерсти. Положивъ, что каждый меринос даетъ среднимъ числомъ три фунта перегона въ годъ, выйдетъ, что въ Россіи, при восьми милліонахъ мериносовъ, производится ежегодно 600,000 пудовъ перегона. Между тѣмъ на одной Харьковской Іюньской (прежней Троицкой) ярмаркѣ, въ послѣдніе годы, было по 200,000 пудовъ тонкой шерсти, и въ томъ числѣ около двухъ третей перегона; а весь этотъ товаръ, какъ извѣстно, хотя расходится предварительно по разнымъ мѣстамъ, но послѣ фабричной промывки поступаетъ преимущественно въ Москву. Положимъ даже, что принятые мною для производительности каждаго мериноса три фунта перегона въ годъ, при малой тонинѣ нашихъ шерстей, при большой ихъ засоренности и при плохихъ методахъ хозяйственной промывки,

недостаточны, и что въ Россіи ежегодно производится тонкой шерсти болѣе 600,000 пудовъ, считая въ перегонѣ; все-таки приведенный примѣръ Харьковской Іюньской ярмарки сильно подтверждаетъ чрезвычайную важность Москвы для сбыта тонкой шерсти. Но важность эта откроется передъ нами во всей своей обширности, если мы припомнимъ еще нѣкоторыя обстоятельства: 1) Хотя Харьковская Іюньская ярмарка представляетъ главный шерстяной рынокъ въ Россіи, но онъ не есть единственный: Ильинская ярмарка въ Ромнахъ и Петровская въ Екатеринославлѣ принадлежатъ также къ числу первостепенныхъ шерстяныхъ рынковъ, и шерсть съ нихъ идетъ преимущественно въ Москву. 2) Кромѣ главныхъ рынковъ, шерсть у насъ въ значительномъ количествѣ продается еще на рынкахъ второстепенныхъ, напр. на Успенской ярмаркѣ въ Харьковѣ, и здѣсь покупается предпочтительно для Москвы. 3) Московскіе и другихъ городовъ промышленники разсыпаются по всѣмъ губерніямъ, наиболѣе извѣстнымъ обширностію своего овцеводства, и скупаютъ тонкую шерсть у помѣщиковъ въ самыхъ имѣніяхъ. Разумѣется, что количество такимъ образомъ пріобрѣтаемаго товара не подлежитъ учету; но оно, какъ извѣстно, очень велико и идетъ преимущественно въ Москву. 4) Есть помѣщики,

которые произведенія своихъ стадъ отправляютъ прямо въ Москву, и такіе помѣщики обыкновенно владѣютъ обширнымъ овцеводствомъ. 5) Все количество тонкой шерсти, производящейся въ губерніяхъ юго-восточной Россіи, можетъ быть сбываемо только въ Москву. 6) Цѣны на шерсть въ Москвѣ постоянно обусловливаютъ цѣны этого продукта на всѣхъ нашихъ внутреннихъ рынкахъ.

И такъ, основываясь на вышеприведенныхъ данныхъ, мы смѣло можемъ заключить, что Москва представляетъ у насъ главный пунктъ для сбыта мериносовой шерсти.

Однако же важность Москвы, касательно шерстяной торговли, оказывается не для всѣхъ мѣстностей Россіи одинаковою. Другіе два пути сбыта, именно вывозъ шерсти въ иностранныя Государства и употребленіе ея для фабрикъ, разсѣянныхъ по разнымъ губерніямъ Россіи, ослабляютъ вліяніе Москвы во многихъ странахъ, а въ иныхъ мѣстахъ дѣлаютъ его даже мало-примѣтнымъ. Разсмотримъ же, для какихъ частей нашего отечества Москва представляетъ по торговлѣ шерстью особенную важность, или, другими словами, разсмотримъ: изъ какихъ частей Россіи тонкая шерсть идетъ преимущественно въ Москву, и откуда она предпочтительно поступаетъ для заграничной торговли и

для удовлетворенія потребностей фабрикъ, разбросанныхъ по разнымъ губерніямъ.

Выше было замѣчено, что Русская шерсть идетъ за границу моремъ чрезъ порты Черноморскіе, Азовскіе и Бальтійскіе, и сухопутно въ Австрію и Пруссію. Изъ портовыхъ городовъ наиболѣе отпускаютъ шерсти: Одесса, Таганрогъ, С.-Петербургъ и Рига. Одесса и Таганрогъ, а отчасти и другіе менѣе значительные порты Черноморскіе и Азовскіе, оказываютъ самое благопріятное вліяніе на сбытъ всѣхъ вообще продуктовъ изъ южной половины Новороссійскаго края. Здѣсь сбываютъ весьма значительную часть своей шерсти губернія Таврическая и южныя половины Херсонской и Екатеринославской. Кромѣ того, чрезъ Одессу и чрезъ близкіе къ ней портовые города, выходитъ часть шерсти, производящейся въ юго-западныхъ губерніяхъ, считая въ томъ числѣ и Бессарабію. Изъ Риги отпускаются произведенія отчасти остзейскихъ, отчасти смежныхъ съ ними западныхъ губерній, а Петербургъ отправляетъ только ту шерсть, которая приходитъ къ нему чрезъ Москву. Что же касается до сбыта тонкой шерсти за границу сухопутно, то онъ производится почти изъ всѣхъ провинцій, лежащихъ на западной границѣ Государства, и особенно важенъ для губерній юго-западныхъ,

а отчасти и остзейскихъ. Однимъ словомъ, если мы проведемъ линію отъ устьевъ Дона до Бессарабіи и отсюда до Бальтійскаго моря, то всѣ мѣста, лежащія близъ этой линіи, будутъ именно тѣ, которыхъ шерстяная торговля наименѣе подчиняется вліянію Москвы, за исключеніемъ разумѣется Петербурга, который сбываетъ только то, что производится во внутреннихъ, отдаленныхъ частяхъ Государства, состоящихъ, касательно шерстяной торговли, подъ сильнымъ вліяніемъ Москвы. Дѣйствительно, количество отпускаемой за границу тонкой шерсти изъ всѣхъ означенныхъ частей Россіи въ благопріятные годы бываетъ столь велико, что можетъ поставить тамошнюю торговлю этимъ продуктомъ въ весьма слабое соотношеніе съ внутренними рынками. Стоитъ только взглянуть въ *Виды государственной внѣшней торговли*, чтобы убѣдиться въ этомъ, и хотя въ таблицахъ *Видовъ* отпускъ мериносовыхъ шерстей не показывается въ отдѣльности, но въ сложности съ отпускомъ шерстей простыхъ, однако же приводимая здѣсь общая цѣнность тѣхъ и другихъ показываетъ, какъ много должно заключаться между ними тонкихъ.

Присутствіе суконныхъ фабрикъ, имѣющихся, кромѣ Москвы и ея окрестностей, кое-гдѣ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, особенно въ за-

падныхъ губерніяхъ, также оказываетъ нѣкоторое вліяніе на мѣстный сбытъ тонкой шерсти; но вліяніе это, кромѣ западныхъ губерній, не вездѣ довольно значительно; потому что наибольшая часть провинціяльныхъ фабрикъ, въ особенности же такъ называемыя домашнія, выдѣлываютъ только низкіе сорты суконъ, для коихъ употребляется руно простыхъ овецъ. Однако же, разсматривая ходъ шерстяной торговли, не должно упускать изъ виду и этого обстоятельства.

И такъ, изъ сказаннаго видно, что вліяніе Москвы на торговлю тонкою шерстью оказывается особенно важнымъ въ сѣверной половинѣ Новороссійскаго края, въ южной, степной части Малороссіи, во всѣхъ внутреннихъ губерніяхъ, въ коихъ разводятся мериносы, и въ губерніяхъ юго-восточной части Россіи. Можно сказать утвердительно, что состояніе тонкоруннаго овцеводства во всѣхъ этихъ мѣстахъ болѣе или менѣе зависитъ отъ капиталовъ Московскаго купечества.

Теперь, когда мы знаемъ, во первыхъ, что наибольшее количество мериносовой шерсти у насъ производится въ центрально-южныхъ губерніяхъ; во вторыхъ, что главный пунктъ сбыта составляетъ Москва; и въ третьихъ, что наибольшее вліяніе Москвы простирается между

прочимъ на сѣверную часть того пространства степной полосы, которое отличается наибольшимъ производствомъ тонкой шерсти, то мы можемъ приступить къ выводу нѣкоторыхъ заключеній касательно нашихъ шерстомойныхъ заведеній.

Мериносовая шерсть есть продуктъ громоздкій. Въ ней заключается столько грязи, жирныхъ и другихъ веществъ, что, посредствомъ фабричнаго мытья, вѣсъ ея можетъ быть уменьшенъ болѣе, чѣмъ на $\frac{2}{3}$, а объемъ по крайней мѣрѣ на половину. Между тѣмъ главный нашъ шерстяной рынокъ, Харьковъ, лежащій въ самой сѣверной оконечности того пространства, которое отличается наибольшимъ производствомъ разсматриваемаго продукта, отстоитъ отъ главнаго пункта сбыта, Москвы, на 700 верстъ; и эти два пункта соединяются не желѣзною дорогою, не водянымъ сообщеніемъ, даже не посредствомъ шоссе, а посредствомъ обыкновенной дороги, представляющей нерѣдко, весною, осенью и даже зимою, сильныя затрудненія для перевозки тяжестей. Перевозить цѣлыя сотни тысячь пудовъ грязи и другихъ безполезныхъ веществъ на такое дальнее разстояніе было бы трудомъ, совершенно потеряннымъ для народной экономіи. Изъ этого явствуетъ польза

учрежденія шерстомойныхъ заведеній на самомъ мѣстѣ производства тонкой шерсти.

Но край, изобилующій мериносовыми стадами, не богатъ народонаселеніемъ и бѣденъ водою. Рабочія руки въ немъ очень дороги, а воды въ иныхъ мѣстахъ такъ мало, что было бы жалко портить ее промывкою шерсти. Здѣшній овцеводъ бываетъ доволенъ уже тѣмъ, когда можетъ представить на рынокъ руна своего стада въ перегонѣ, и тѣмъ доставить имъ такой видъ, въ какомъ они наиболѣе выгодны въ торговлѣ. Да впрочемъ и не дѣло овцевода помышлять о фабричной промывкѣ шерсти; для этого есть особенные промышленники; но и эти промышленники встрѣчаютъ въ томъ краю тѣ же самыя затрудненія.

Между тѣмъ къ сѣверу отъ того пространства степной полосы Россіи, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, лежитъ страна съ самымъ тѣснымъ народонаселеніемъ, съ самымъ малымъ развитіемъ промысловъ, съ самою слабою внѣшнею торговлею, страна, терпящая всеобщій недостатокъ въ денежныхъ средствахъ отъ избытка силъ, обращенныхъ на одно только земледѣліе: я говорю о средней или хлѣбопахатной Малороссіи, и преимущественно о сѣверныхъ частяхъ Полтавской и Харьковской губерній. Эта страна, будучи сосѣдственною съ степною полосою,

столь богатою овцеводствомъ, и находясь на пути, по которому слѣдуютъ транспорты въ Москву, при изобиліи протечныхъ водъ и дешевизнѣ рабочихъ рукъ, наиболѣе способна для учрежденія шерстомойныхъ заведеній.

Вотъ почему нигдѣ въ Россіи не встрѣчается столько шерстомойныхъ заведеній, сколько разсѣяно ихъ въ губерніяхъ Малороссійскихъ и въ прилежащихъ къ нимъ частяхъ смежныхъ губерній. Здѣсь шерстяныя мойки находятся не только въ городахъ, но и во множествѣ селеній, даже въ малыхъ деревняхъ, а нѣкоторыя мѣста, на пр. Харьковъ, Бѣлгородъ, отчасти Воронежъ и Екатеринославль (а можетъ быть и другіе, не столь значительные города, о которыхъ я не успѣлъ еще пріобрѣсти достаточныхъ свѣдѣній), занимаются шерстомойнымъ дѣломъ въ обширномъ размѣрѣ, и пріобрѣли уже въ этомъ отношеніи извѣстность.

И такъ, распространеніе шерстомойной промышленности въ Малороссіи есть дѣло совершенно раціональное. Промышленность эта развилась здѣсь въ слѣдствіе естественнаго стеченія обстоятельствъ; а потому, покуда обстоятельства эти останутся неизмѣнными, до тѣхъ поръ и промышленность не можетъ ослабѣть; приведенныя же нами обстоятельства шерстяной торговли такъ естественны, что въ настоящее время объ

измѣненіи ихъ трудно предполагать. Напротивъ того, надобно стараться распространить въ Малороссіи шерстомойную промышленность до крайняго предѣла возможности, и довести до того, чтобы ни одинъ пудъ шерсти не проходилъ чрезъ здѣшнюю страну не вымытымъ. Достигнуть же этого не трудно: стоитъ только вполнѣ удовлетворять требованіямъ потребителей, т. е. доставлять продукту точно такія качества, какихъ ищутъ въ немъ Московскіе фабриканты и купечество. Разумѣется, это послѣднее условіе не можетъ относиться ко всѣмъ мойкамъ въ Россіи, но только къ тѣмъ, кои находятся въ мѣстахъ, сбывающихъ свой продуктъ въ Москву; что же касается до моекъ, учрежденныхъ въ тѣхъ странахъ, откуда шерсть отпускается за границу, то тамъ появляются совершенно другія условія, основанныя на требованіяхъ заграничныхъ фабрикантовъ. Слѣдовательно, не все равно: мыть ли шерсть напр. въ Херсони, откуда она можетъ идти за границу, или въ Харьковѣ, гдѣ почти единственные покупатели — Москвитяне.

Дѣйствительно, весьма стоитъ позаботиться о томъ, чтобы распространить въ Малороссіи шерстомойное дѣло сколь возможно болѣе, и тѣмъ уничтожить несообразный съ нашими обстоятельствами иностранный обычай—

мыть тонкую шерсть на самыхъ суконныхъ фабрикахъ, которыя у насъ находятся вдали отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она производится. Кромѣ того, что это было бы, какъ замѣчено выше, вполнѣ сообразно съ видами общей народной экономіи, но для Малороссіи въ особенности открылись бы немаловажныя выгоды. Изслѣдователи причинъ бѣдности въ денежныхъ средствахъ этого края пришли къ тому заключенію, что край этотъ терпитъ недостатки отъ избытка рукъ, обращенныхъ на земледѣліе; „отъимите часть рабочихъ рукъ отъ земледѣлія, дайте имъ другое занятіе, говорятъ они, и край процвѣтетъ.“ — Но какое же занятіе придумать для цѣлаго края? Естественно, что оно не можетъ состоять изъ одного дѣла для цѣлаго края, но должно раздробиться на множество промысловъ, фабрикъ, отраслей торговли и проч. и проч. Вотъ между прочимъ одна изъ такихъ отраслей промышленности: шерстомойное дѣло. Оно можетъ пустить въ ходъ большіе капиталы и доставить довольство десяткамъ тысячь рабочихъ людей.

Дабы привести примѣръ, въ какомъ состояніи находятся въ настоящее время шерстомойныя заведенія въ южной Россіи, и показать, какіе въ нихъ употребляются способы мытья шерсти и соединенной съ нимъ сортировки ея,

6. марта 1847. г.

я представлю здѣсь описаніе моекъ, находящихся въ Харьковѣ. При этомъ постараюсь описать техническую часть со всевозможною подробностію, дабы дать о ней полное и ясное понятіе. Лучшаго примѣра выбрать невозможно, ибо Харьковъ составляетъ нашъ главный шерстяной рынокъ; шерстомойное дѣло появилось здѣсь издавна, вполнѣ утвердилось и производится въ настоящее время въ самомъ обширномъ размѣрѣ.

Всѣхъ шерстомойныхъ заведеній въ Харьковѣ считается восемь. Они принадлежатъ купцамъ: Коровину, братьямъ Цыгаревымъ, Кувшинникову, Климову, Рыжову, Андрееву, Позднякову и Чеботареву. Кромѣ того, близъ Харькова лежатъ мойки: г. Швальбаха въ Малой Даниловкѣ, г. Наумана въ Дутковкѣ, г. Макарова въ Григоровкѣ. Но здѣсь я буду говорить только о тѣхъ мойкахъ, кои находятся въ самомъ городѣ.

Всѣ эти мойки расположены при рѣкѣ Лопани, по лѣвую ея сторону, въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ поименованы, за исключеніемъ мойки г. Чеботарева, лежащей на правомъ берегу. Рѣка Лопань, хотя мала, но будучи запружена плотиною помѣщика Квитки, дозволяетъ мыть шерсть безъ особенныхъ затрудненій. Только въ жаркую пору лѣта, когда

находящіяся въ рѣкѣ органическія вещества и нечистоты отъ шерсти подвергаются сильному гніенію и дѣлаютъ воду мутною, надобно бываетъ употреблять для промывки шерсти нѣсколько болѣе времени, чѣмъ бы слѣдовало.

Прошедшимъ лѣтомъ всѣ Харьковскія мойки были въ дѣйствіи, за исключеніемъ принадлежащей г. Андрееву, остававшейся, по болѣзни владѣльца, праздною. Въ продолженіи лѣта, онѣ приготовили по крайней мѣрѣ 50,000 пудовъ чистой, для фабрикаціи сукна безъ дальнѣйшей перемывки годной, тонкой шерсти, — количество, которому соотвѣтствуетъ почти 100,000 пудовъ перегона, или 150,000 пудовъ грязной, или же капиталъ, при благопріятныхъ цѣнахъ на шерсть, безъ малаго въ милліонъ рубл. сер. Кромѣ того, съ моекъ было отпущено нѣкоторое количество шерстей простыхъ.

Впрочемъ должно замѣтить, что количество шерсти, выпускаемое здѣшними шерстомойными заведеніями въ продолженіи года, много зависитъ отъ торговыхъ обстоятельствъ. Вообще эти заведенія промываютъ либо собственную, на капиталъ владѣльца пріобрѣтаемую шерсть, либо чужую, которую получаютъ съ извѣстною платою отъ помѣщиковъ и фабрикантовъ, а въ нынѣшнемъ году и Харьковская Акціонерная Компанія отдала часть принятаго ею товара для

промывки. Когда на шерсть бываетъ значительное требованіе, то владѣльцы моекъ закупаютъ ее въ большемъ противъ обыкновеннаго количествѣ во время Харьковской Іюньской ярмарки, стараются перемыть поскорѣе, и продавъ часть въ Москву, покупаютъ новое количество на Успенской ярмаркѣ. Такимъ образомъ, въ благопріятные годы капиталъ, или по крайней мѣрѣ часть его, можетъ сдѣлать два оборота въ лѣто. Въ годы же неблагопріятные, помѣщики, не имѣя возможности продать свой продуктъ по сходной цѣнѣ на окрестныхъ ярмаркахъ, стараются отправлять его для сбыта въ Москву, и, дабы избавиться отъ излишней тяжести при перевозкѣ, нерѣдко отдаютъ предварительно на мойки. Смотря по этимъ обстоятельствамъ, количество шерсти на мойкахъ въ разные годы измѣняется, еще же болѣе измѣняется соотношеніе между количествами шерсти, собственно принадлежащей мойкамъ и отдаваемой имъ только для промывки. Нынѣшній годъ принадлежитъ къ числу такихъ, въ которые мойки работаютъ предпочтительно съ чужою шерстью, но вообще количество поступившей на нихъ шерсти нѣсколько болѣе противъ обыкновеннаго. Однако же, что касается до каждой мойки въ отдѣльности, то есть изъ нихъ такія, которыя постоянно моютъ только собственную, на капи-

талъ владѣльца пріобрѣтаемую шерсть, и чужой не принимаютъ; другія моютъ отчасти собственную, отчасти чужую; а иныя промышляютъ исключительно чужою что, разумѣется, зависитъ отъ капитала и видовъ владѣльца.

По обширности, Харьковскія шерстомойныя заведенія могутъ быть раздѣлены на три разряда: большія, выпускающія ежегодно отъ 10,000 до 15,000 пудовъ чистой шерсти; среднія, выпускающія отъ 5,000 до 10,000 пудовъ, и малыя, которыя могутъ выпустить въ годъ отъ 500 до 5,000 пудовъ. Къ первому разряду принадлежатъ мойки Гг. Цыгаревыхъ, Рыжова и Коровина; ко второму Гг. Кувшинникова и Климова; къ третьему Гг. Познякова и Чеботарева.

По давности существованія, самыя старыя— Гг. Цыгаревыхъ и Рыжова. Онѣ существуютъ болѣе 30 лѣтъ.

Что же касается до относительнаго достоинства здѣшнихъ моекъ, то отдать которой нибудь изъ нихъ преимущество передъ прочими невозможно: на однихъ идетъ та часть лучше, на другихъ другая, о чемъ я не упущу упомянуть при описаніи самаго техническаго производства. Впрочемъ для любопытствующихъ посѣтителей наиболѣе интересны заведенія г. Цыгаревыхъ и Рыжова, какъ самыя обширныя, издавна существующія и хорошо устроенныя

[redacted]

Давъ общее понятіе о Харьковскихъ шерстомойныхъ заведеніяхъ, перейду теперь къ описанію употребляемыхъ въ нихъ способовъ очищенія шерсти, или къ технической части заведеній.

Если мы прослѣдимъ въ главныхъ чертахъ работы на мойкахъ, то увидимъ, что поступающая сюда грязная шерсть и перегонъ сначала раздѣляются на нѣсколько сортовъ, потомъ каждый сортъ въ отдѣльности запаривается въ горячей водѣ, съ примѣсью нѣкоторыхъ веществъ и нѣсколько промывается въ рѣкѣ; далѣе, запаренная и нѣсколько промытая шерсть смѣшивается съ глиною; смѣшанная съ глиною шерсть окончательно промывается въ рѣкѣ; вымытая шерсть просушивается на воздухѣ; изъ высушенной чистой шерсти выбираются различныя мало-годныя части; наконецъ такимъ образомъ приготовленная шерсть упаковывается въ мѣшки. И такъ, техническое производство на мойкахъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) сортировка шерсти, 2) запарка, 3) смѣшиваніе съ глиною, 4) промывка, 5) просушка, 6) переборка и 7) упаковка. Этого естественнаго хода работъ я буду держаться при слѣдующемъ описаніи.

Извѣстно, что тонкая шерсть передъ мытьемъ непремѣнно должна быть разсортирована,

ибо сортировать ее послѣ промывки нѣтъ ни какой возможности. Конечно, сортированіе шерсти можетъ быть производимо въ заведеніяхъ, отдѣльныхъ отъ шерстомойныхъ; однако же на мойкахъ южнаго края Россіи вошло въ обычай заниматься не только мытьемъ, но и сортировкою шерстей, такъ что они представляютъ собою заведенія не только шерстомойныя, но вмѣстѣ и сортировальныя, что придаетъ имъ особенную значительность.

Извѣстно также, что сортировка составляетъ въ шерстяной промышленности занятіе очень важное. Занятіе это важно не только потому, что оно очень копотко и требуетъ много работы, но еще болѣе потому, что оно оказываетъ существенное вліяніе на достоинство товара и нуждается въ людяхъ свѣдущихъ, спеціально для него приготовленныхъ.

Впрочемъ, сортировка шерсти можетъ быть очень различна: хорошая и дурная, а между тою и другою лежитъ еще нѣсколько среднихъ степеней. Хорошая сортировка отличается во-первыхъ тѣмъ, что изъ шерсти надобно составлять много сортовъ, а во вторыхъ тѣмъ, что составлять сорты нужно со всевозможною тщательностію и искуствомъ, для чего каждое руно необходимо раздѣлять на множество частей,

соединять части эти правильно, и вообще употреблять самую копотливую и искусную работу. Дѣло въ томъ, что гдѣ есть хорошія фабрики и гдѣ выдѣлываются цѣнныя ткани, тамъ и сортировки требуютъ хорошей; гдѣ же фабрики еще далеки отъ совершенства и гдѣ довольствуются посредственными издѣліями, тамъ нѣтъ надобности въ особенно-тщательной сортировкѣ, а можно довольствоваться кое-какою.

Какова же сортировка въ Харьковѣ? Отвѣчать на это не трудно: стòитъ только вспомнить, что здѣсь шерсть приготовляется для Москвы, а въ Москвѣ не требуютъ товара отлично приготовленнаго, но по преимуществу дешеваго, и если могутъ заплатить за пудъ нѣсколькими рублями дешевле, то охотнѣе покупаютъ худшій товаръ, оставляя безъ вниманія лучшій. Разумѣется, на все есть исключенія; есть и въ Москвѣ фабрики, требующія тщательно-сортированной шерсти; но дѣлò въ томъ, что главная масса Московскихъ фабрикъ имѣетъ цѣлью произведеніе издѣлій средней доброты, недорогихъ, доступныхъ по цѣнѣ наибольшей части покупателей, разсѣянныхъ на всемъ пространствѣ обширнаго Русскаго государства. По этому достоинство Харьковской сортировки вообще можетъ быть названо посредственнымъ, точно такъ же, какъ и достоинство этого произ-

водства во всѣхъ шерстомойныхъ заведеніяхъ южной Россіи, за весьма немногими исключеніями. Въ здѣшнемъ краѣ только въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ, учрежденныхъ по преимуществу нѣмцами, или находящихся подъ ихъ управленіемъ, сортируютъ шерсть довольно тщательно, и только въ томъ случаѣ, когда заведенія состоятъ въ сношеніи съ фабриками, производящими сукна лучшихъ добротъ. Но и здѣсь нельзя найти той превосходной сортировки, которая распространена за границею и которая даже пріобрѣла для себя въ здѣшнихъ мѣстахъ названіе *классической*. Хотя странно прилагать слово *классическій* къ такому дѣлу, какъ сортировка шерсти, но между нашими промышленниками это употребительно. Правда, и у насъ въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ составляютъ довольно много сортовъ, но какъ эти сорты составляются — вотъ вопросъ! Надобно также сказать, что и сама Русская шерсть, производящаяся въ степяхъ, не вполнѣ еще годна для совершенной сортировки; ибо она не отличается достаточною уравненностію рунъ въ качествахъ, и—что въ особенности замѣчательно—волоски въ одномъ и томъ же штапелѣ не всегда бываютъ въ ней однокачественны, а это есть признакъ еще неполнаго совершенства нашихъ тепныхъ мериносовъ, которое, какъ извѣстно,

достигается только чрезвычайными трудами и усиліями овцеводовъ. По этому, упрекать шерстомойныя заведенія южнаго края Россіи въ томъ, что въ нихъ производится сортировка не точная, не должно. Они сообразуются съ своими потребителями, Московскими фабрикантами; а эти имѣютъ въ виду своихъ потребителей,—большинство Русской публики; публика же сообразуется съ своими матеріальными и нравственными средствами. Слѣдовательно, здѣсь мы видимъ то же самое явленіе, которое повторяется во всѣхъ отрасляхъ промышленности: вездѣ одна часть объусловливаетъ другую, а всѣ вмѣстѣ зависятъ отъ обстоятельствъ и причинъ, иногда весьма отдаленныхъ. Потому-то нерѣдко надобно бываетъ начинать издали, для того, чтобы подѣйствовать на какую нибудь вѣтвь промышленности и дать ей лучшее направленіе.

На Харьковскихъ мойкахъ весьма основательно раздѣляютъ сортировку на три пріема: *разборку рунъ*, собственно *сортированіе* и *повѣрку сортовъ*.

Разборка рунъ состоитъ въ томъ, что руна каждой партіи шерсти, поступившей на мойку, раздѣляютъ предварительно на нѣсколько отдѣленій. Работницы, распоровши мѣшокъ съ рунами, вынимаютъ ихъ по одиначкѣ, осматриваютъ каждое связанное руно снаружи, опре-

дѣлаютъ наскоро тотъ сортъ, котораго изъ него наиболѣе можетъ выйти, и сбрасываютъ руна въ различныя кучи. Такимъ образомъ изъ каждой кучи рунъ долженъ выходить преимущественно одинъ сортъ. Эта предварительная работа полезна тѣмъ, что ускоряетъ самое сортированіе; ибо сортировщицы, получая руна отдѣленіями и напередъ зная, какой сортъ изъ нихъ предпочтительно долженъ выходить, не имѣютъ надобности употреблять время на прилѣжное разсматриваніе главной части руна и совершаютъ свою работу скорѣе.

Сортированіе шерсти производится на особенныхъ столахъ. Устройство наиболѣе употребительнаго на здѣшнихъ мойкахъ сортировальнаго стола таково: обыкновенный столъ, длиною и шириною аршина въ 1½, но не имѣющій верхней доски, а покрытый вмѣсто ея сѣткою изъ тоненькихъ бичевокъ, которой клѣтки такъ велики, что въ нихъ легко проходитъ палецъ; подъ сѣткою сдѣланъ рѣдкій переплетъ изъ толстыхъ веревокъ, а подъ нимъ подвязано полотно, составляющее родъ мѣшка. Сѣтка, вмѣсто доски, на сортировальномъ столѣ нужна для того, чтобы выпадающій при работѣ изъ рунъ мѣлкій и крупный соръ могъ проваливаться внизъ и чрезъ то не оставался бы въ шерсти; переплетъ нуженъ для того, чтобы

поддерживать сѣтку снизу и придавать ей необходимую твердость; а полотно въ видѣ мѣшка для того, чтобы проваливающійся сквозь сѣтку соръ не падалъ на полъ и не попадалъ снова въ шерсть, но собирался бы на полотнѣ. Такіе столы очень хороши и удобны для работы; но, не смотря на то, въ заведеніяхъ гг. Цыгаревыхъ и Коровина употребляются другіе: въ первомъ столы покрыты, вмѣсто сѣтки, натянутыми близко одна подлѣ другой, довольно толстыми бичевками, а во второмъ прутьями, связанными параллельно другъ къ другу, при чемъ въ первомъ заведеніи и длина столовъ въ три раза больше обыкновенной. Но какъ тѣ, такъ и другіе, менѣе удобны, чѣмъ сѣтчатые; ибо между толстыхъ бичевокъ и прутьевъ, расположенныхъ близко другъ къ другу, можетъ проваливаться только пыль и мѣлкій соръ, а крупный остается покуда въ шерсти и потомъ долженъ быть выбираемъ уже при окончательной переборкѣ очищенныхъ сортовъ.

За каждымъ столомъ, если онъ обыкновенной величины, работаютъ другъ противъ друга двѣ сортировщицы. Работа ихъ состоитъ въ томъ, что каждая изъ нихъ, развязавъ руно, развертываетъ его на столѣ, выбираетъ вложенные въ него, отпавшіе при стрижкѣ, клочки шерсти; отрываетъ всѣ оконечныя части, какъ-

то: съ головы, шеи, брюха, ляжекъ, околохвостія, опредѣляетъ наскоро, отчасти зрѣніемъ, отчасти осязаніемъ, достоинство каждаго оторваннаго клочка и бросаетъ ихъ въ разныя отдѣленія, а главную часть руна, съ плечь, боковъ и спины, складываетъ въ одно мѣсто Изъ этихъ-то трехъ послѣднихъ мѣстъ каждаго руна составляется главный сортъ шерсти, получающійся изъ него въ наибольшемъ количествѣ, а изъ прочихъ частей составляются сорты побочные, уступающіе первому, какъ по достоинству, такъ и по вѣсу.

Всѣ эти сорты сбрасываются отчасти въ большія плетеныя корзины, стоящія вокругъ сортировальныхъ столовъ, отчасти же складываются кучами на полу.

Но какъ сортировщицы, при скорости работы, легко могутъ ошибаться и набросать въ сортъ такихъ клочковъ, кои къ нему вовсе не принадлежатъ, то, для избѣжанія подобныхъ ошибокъ, установлена повѣрка сортовъ. Есть работницы, которыя перебрасываютъ каждый отобранный сортъ въ отдѣльности; пересматриваютъ въ немъ наскоро каждую часть шерсти и выбираютъ изъ него все то, что къ нему не относится. Эта работа не только полезна, но даже необходима; ибо она заставляетъ сортиров-

щицъ быть внимательными къ работѣ и не дѣлать грубыхъ ошибокъ.

Вотъ все дѣло здѣшней сортировки! Но хотя съ перваго взгляда оно кажется простымъ, однако же требуетъ людей опытныхъ, нарочно для него себя пріучившихъ и вполнѣ съ нимъ свыкшихся. Въ такихъ людяхъ сортировальныя заведенія имѣютъ большую надобность. Обыкновенно сортировкою шерсти занимаются женщины; ибо эта работа требуетъ нѣсколько нѣжности въ рукахъ. Харьковскія сортировщицы всѣ горожанки; онѣ начинаютъ ходить на мойки, по большей части, съ молодыхъ лѣтъ, посѣщаютъ ихъ лѣтомъ ежедневно, сперва занимаются здѣсь различными мѣлочными работами около шерсти, за что получаютъ сначала самое ничтожное вознагражденіе, напр. по три пятака мѣди въ день, но, мало по малу, пріучившись къ дѣлу, становятся необходимыми для шерстомойныхъ заведеній и получаютъ отъ нихъ такую плату, при которой могутъ существовать безбѣдно, именно по 70 и 80 коп. асс. въ день, что, при здѣшнихъ цѣнахъ на съѣстные припасы и на рабочія руки, считается хорошимъ заработкомъ.

Число сортировщицъ въ каждомъ заведеніи зависитъ, разумѣется, отъ количества работы. На большихъ мойкахъ бываетъ ихъ въ день

душъ по 20, и кромѣ того, еще нѣсколько работницъ, также свѣдущихъ въ искуствѣ сортировать шерсть, занимающихся разборкою рунъ и повѣркою сортовъ.

Для производства сортированія шерсти имѣется на каждой мойкѣ особенное зданіе. Зданіе это обыкновенно устроивается въ видѣ просторнаго балагана изъ досокъ, а потому и пріобрѣло общее названіе сортировальнаго балагана; но у г. Кувшинникова шерсть сортируется въ красивой, свѣтлой галлереѣ, а у гг. Цыгаревыхъ въ особой залѣ обширнаго каменнаго строенія, составляющаго лучшее украшеніе ихъ мойки. Для разборки рунъ и повѣрки сортовъ особыхъ строеній, по большей части, не имѣется, работы же этѣ производятся тамъ, гдѣ найдется для нихъ удобное мѣсто.

Разсортированная шерсть хранится въ особенныхъ закромахъ, устроенныхъ въ одной части сортировальнаго балагана, или же по близости отъ него. Такіе закромы суть не что иное, какъ досчатыя перегородки, приставленныя къ стѣнамъ внутри балагана. Число ихъ обыкновенно соотвѣтствуетъ числу составляемыхъ въ заведеніи сортовъ.

Сколько же сортовъ составляется въ Харьковскихъ шерстомойныхъ заведеніяхъ, какія названія носятъ эти сорты и какими знаками

обозначаются при поступленіи ихъ въ торговлю? Отвѣтъ на эти вопросы можетъ объяснить намъ многое касательно шерстомойныхъ заведеній и шерстяной торговли. Изъ него мы увидимъ, въ какомъ состояніи находится наша шерстяная промышленность вообще и какой духъ господствуетъ въ нашей торговлѣ шерстью.

Установленіе числа сортовъ, какъ можно заключить уже изъ того, что было сказано нами о сортировкѣ вообще, зависитъ отъ совершенства фабрикъ, потребляющихъ шерсть. Чѣмъ лучше фабрики въ странѣ, тѣмъ точнѣе надобно сортировать шерсть для нихъ, тѣмъ больше надобно составлять изъ нея сортовъ. Въ Германіи, откуда шерсть идетъ для самыхъ лучшихъ фабрикъ въ Европѣ и гдѣ существуетъ самая правильная сортировка, главныхъ сортовъ для мериносовой шерсти считается двѣнадцать, кромѣ трехъ или четырехъ второстепенныхъ, каковы обножки, бракъ и т. п. У насъ еще нѣтъ надобности въ такомъ большомъ числѣ сортовъ. Доказательствомъ этому между прочимъ служитъ то, что прежде, когда заведеніе гг. Цыгаревыхъ выпускало до шестнадцати главныхъ и второстепенныхъ сортовъ, Московскіе фабриканты, къ которымъ эта шерсть поступала, смѣшивали соприкосновенные сорты по два вмѣстѣ и употребляли ихъ для выдѣл-

ки однѣхъ и тѣхъ же тканей. А потому, если многія изъ нашихъ сортировальныхъ заведеній ограничиваются небольшимъ числомъ сортовъ, то они поступаютъ основательно и совершенно согласно съ обстоятельствами; число же это у насъ рѣдко доходитъ до восьми, считая здѣсь сорты главные. Но вотъ въ чемъ странность: казалось бы, что заведенія, находящіяся въ одномъ и томъ же городѣ, получающія шерсть одинаковыхъ качествъ и изъ одной и той же страны, приготовляющія свой товаръ для одного и того же пункта сбыта, могли бы выпускать одно и то же число сортовъ; однако же къ удивленію, въ Харьковѣ мы этого не находимъ. Здѣсь каждое заведеніе составляетъ столько сортовъ, сколько ему вздумается, и съ другими заведеніями въ этомъ случаѣ не соображается; такъ у гг. Цыгаревыхъ считается 4 главныхъ сорта, у г. Кувшинникова 6, у г. Климова отъ 5 до 7, у гг. Коровина и Рыжова по 8; кромѣ того, къ главнымъ сортамъ прибавляются еще, сами собою, второстепенные, каковы: обножки сорная (тирсовая), бракъ, а иногда и еще одинъ сортъ, извѣстный подъ именемъ тумы *. А какъ

---

* Тумою называется собственно лучшій сортъ простой шерсти; но этимъ же названіемъ обозначаются выборки изъ мериносовыхъ рунъ, мало отличающіяся отъ шерсти простой. *Прим. Соч.*

6. марта

1847. г.

отъ числа составляемыхъ сортовъ, если сортируется одна и та же шерсть, зависитъ весь образъ сортировки, то выходитъ, что въ Харьковѣ общей сортировки нѣтъ, что здѣсь каждая мойка имѣетъ свою произвольную сортировку, и что, по этому, сорты одной мойки ни въ какомъ случаѣ не могутъ сходиться по качествамъ съ сортами другой.

Но удивленіе наше еще болѣе возрастетъ, если мы справимся съ здѣшними названіями сортовъ! Конечно, названія для сортовъ шерсти придуманы съ тою цѣлью, чтобы по названію можно было судить о качествахъ и достоинствѣ шерсти? По этому, шерсти, носящія одно и то же имя, должны быть всегда одинаковы по качествамъ и достоинству, и на оборотъ, шерсти, одинаковыя по качествамъ и достоинству, должны быть обозначаемы постоянно однимъ и тѣмъ же именемъ. Такъ въ Германіи (гдѣ установились слѣдующія названія для главныхъ сортовъ: суперъ-электа-плюсъ, лучшая суперъ-электа, суперъ-электа, лучшая электа, электа, лучшая прима, прима, секунда, терція, кварта, квинта, секста), всякій промышленникъ знаетъ, что должно подразумѣвать напр. подъ электою; потому что сортъ, извѣстный подъ этимъ именемъ, изъ какихъ бы заведеній онъ ни былъ выпущенъ, всегда отличается одними и тѣ-

ми же качествами и достоинствомъ. Кажется, это ясно какъ день! Ясно также и то, что если бы каждое сортировальное заведеніе стало давать однимъ и тѣмъ же сортамъ разныя имена, или, что еще хуже, если бы однимъ и тѣмъ же именемъ разныя заведенія стали обозначать разные сорты, то изъ этого вышло бы нѣчто въ родѣ вавилонскаго смѣшенія языковъ, произошла бы запутанность, вредная для правильнаго хода промышленности. Въ такомъ случаѣ было бы полезнѣе вовсе изгнать изъ промышленности техническія слова, какъ пустые звуки, не имѣющіе общаго значенія и запутывающіе только сущность самаго дѣла. Не смотря на эту очевидную необходимость одноименности одинаковыхъ сортовъ шерсти, въ Харьковѣ каждое шерстомойное заведеніе имѣетъ для нихъ свои особенныя названія. Вотъ эти названія изъ пяти главныхъ здѣшнихъ заведеній.

Г. Коровина: высокій, саксонскій, суперъ, электа, электа, первый, второй, третій, четвертый, концы, подраздѣленные еще на три сорта.

Гг. Цыгаревыхъ: первый, второй, третій, четвертый, обножка, сорная, бракъ.

Г. Кувшинникова: суперъ-электа, электа, первый, второй, третій, четвертый, обножка-сорная, бракъ.

Г. Климова: первый, второй, третій, четвертый, пятый, иногда шестой и седьмой, концы, сорная, бракъ.

Г. Рыжова: суперъ-фейнъ, суперъ-электа, электа, лучшій, первый, второй, третій, четвертый, иногда тума, обножка, тирсовая, клокъ.

Спрашивается, что должно подразумѣвать напр. подъ *первымъ сортомъ*, когда сортъ этотъ у гг. Цыгаревыхъ и Климова дѣйствительно поставленъ первымъ, у г. Кувшинникова третьимъ, а у гг. Коровина и Рыжова пятымъ? или что это за *суперъ-электа*, которая у г. Кувшинникова составляетъ самый высшій сортъ, у г. Рыжова слѣдуетъ непосредственно за самымъ высшимъ, а у г. Коровина поставлена еще ниже? Тутъ разница чрезвычайная!

Но запутанность еще болѣе увеличивается отъ различія знаковъ, которыми здѣсь обозначаютъ сорты. Извѣстно, что въ шерстяной промышленности принято за правило отмѣчать на мѣшкахъ, какой сортъ шерсти въ нихъ находится. Для этого придуманы знаки, состоящіе обыкновенно изъ начальныхъ буквъ тѣхъ названій, которыя придаются сортамъ. Разумѣется, что подобные знаки могутъ принести нѣкоторую пользу только въ томъ случаѣ, когда одинаковые сорты постоянно будутъ обозначаемы одинакимъ образомъ и когда это правило

будетъ принято во всей странѣ: тогда всякій промышленникъ, взглянувъ на мѣшокъ, сразу узнаетъ, какая въ немъ заключается шерсть. Но если каждое шерстомойное заведеніе будетъ отмѣчать шерсть своими особенными знаками, то что изъ этого выйдетъ? — Одна запутанность! Вотъ знаки, употребляемые на главныхъ Харьковскихъ мойкахъ и соотвѣтствующіе исчисленнымъ выше сортамъ.

У г. Коровина: SS—S—SЭ—Э.—Э—А—А,—А.—К—КК—ККК
У гг: Цыгаревыхъ: АА—А—В—D—О—С—Б
У г. Кувшинникова: S—Э—АА—А—В—Г—О—С—Б
У г. Климова: ААА—АА—А—В—С—D—Е—К—S—Б
У г. Рыжова: SФ—SЭ—Э—ЛУ—А—В—Г—D—ТУ—О—Т—К

Спрашивается, что же вы узнаете, если увидите партію шерсти изъ Харькова, отмѣченную напр. буквою А? Ровно ничего!

Если же въ заведеніяхъ, находящихся подъ одинаковыми условіями и сосредоточенныхъ на пространствѣ не болѣе одной версты, существуетъ такое различіе въ числѣ сортовъ, ихъ качествахъ, названіяхъ, знакахъ, то какое разнообразіе въ этихъ предметахъ представилось бы намъ, если бы мы могли обозрѣть всѣ подобныя заведенія, разсѣянныя на огромномъ пространствѣ Южнаго края Россіи! Отчего же происходитъ это разнообразіе, и неужели невозможно его уничтожить? Конечно — возможно; стóитъ только лицамъ, занимающимся шерстя-

ною промышленностію, согласиться между собою и дѣйствовать однообразно; покрайней мѣрѣ это очень возможно для промышленниковъ одной и той же мѣстности. Но духъ, господствующій во всей нашей торговлѣ, проникъ и въ торговлю шерстью; онъ разнообразитъ у насъ сорты, даетъ имъ разныя названія, обозначаетъ ихъ различными знаками. Покуда этотъ духъ, оставленный намъ въ наслѣдство минувшими вѣками, будетъ существовать, до тѣхъ поръ трудно надѣяться на единство въ шерстяномъ дѣлѣ.

Окончу мои замѣчанія о сортировкѣ шерсти сравненіемъ Русскихъ сортовъ съ иностранными. По собственному сознанію нашихъ сортировщиковъ, самый лучшій нашъ сортъ можетъ равняться только съ иностранною электою; самый худшій соотвѣтствуетъ разумѣется секстѣ; а зная эти крайности, не трудно каждому найти соотношеніе и между остальными. И такъ, что же значитъ это громкое названіе *суперъ электа*, или названіе сортовъ *еще повыше суперъ-электы*? Очевидно, что этимъ словамъ должно придавать у насъ не тотъ смыслъ, въ которомъ они употребляются у иностранцевъ. Если у насъ можетъ иногда встрѣтиться настоящая суперъ-электа, то въ самомъ маломъ количествѣ и только съ лучшихъ племенныхъ барановъ.

Разсортированная шерсть обыкновенно идетъ прямо въ мытье; но нѣкоторыя изъ низкихъ сортовъ ея, какъ-то сорная и обножка, иногда подвергаются еще предварительному очищенію на особой машинѣ, о которой не излишнимъ считаю упомянуть въ этомъ мѣстѣ.

Извѣстно, что шерсть, производящаяся въ Южной Россіи, нерѣдко бываетъ засорена объѣдками корма, тирсою и разными рѣпешками; и хотя въ сѣверной половинѣ южнаго пространства такое засореніе замѣчается въ меньшей степени, чѣмъ въ южной, гдѣ въ иные годы обширныя степи бываютъ покрыты преимущественно ковылемъ и другими травами, приносящими вредные для шерсти рѣпешки; но и здѣсь засоренныя части рунъ попадаются нерѣдко и накопляются въ шерстомойныхъ заведеніяхъ въ значительномъ количествѣ. Также и обножка по большой части содержитъ въ себѣ много разнаго сора. Для очищенія шерсти отъ этого сора употребляется машина, извѣстная на здѣшнихъ мойкахъ подъ именемъ трепальной. Она состоитъ изъ цилиндра, въ которомъ вращается валъ со спицами. Цилиндръ, длиною около сажени, толщиною аршина въ $1\frac{1}{2}$, положенный на двухъ стойкахъ, имѣетъ дны сплошныя, поверхность же его составлена изъ тоненькихъ брусковъ, шириною въ вершокъ,

расположенныхъ такъ, что между ними остаются узенькіе промежутки. По оси цилиндра проходитъ валъ, толщиною около четверти, въ который вставлено крестообразно четыре ряда спицъ, имѣющихъ въ длину около $2\frac{1}{2}$ четвертей, а въ толщину вершокъ. Такіе же четыре ряда спицъ прикрѣплены къ стѣнкамъ самаго цилиндра, внутри его. Когда засоренная шерсть вложится въ цилиндръ чрезъ отверстіе, закрываемое крышкою, и когда валъ приведется въ движеніе посредствомъ рукоятки, то спицы вала разбрасываютъ шерсть, треплятъ ее и ударяютъ о спицы, прикрѣпленныя къ самому цилиндру; такимъ образомъ соръ выбивается изъ шерсти и вылетаетъ въ промежутки между брусками. Впрочемъ должно замѣтить, что эта машина ни въ какомъ случаѣ не можетъ отдѣлить отъ шерсти всего сора; она очищаетъ ее только отъ главной массы разной дряни; рѣпешки же такъ плотно впутываются въ шерсть, что могутъ быть выбраны изъ нея только руками. Отчасти по этому, а отчасти также и потому, что наши промышленники вообще небольшіе охотники до машинъ, трепальная машина находится не на всѣхъ Харьковскихъ мойкахъ; она употребляется только у гг. Климова и Цыгаревыхъ; есть также у г. Коровина, но стоитъ безъ употребленія и уже развалилась. Вообще же объ этой машинѣ

можно замѣтить, что такъ какъ она не сложна, сдѣлана изъ дерева, а потому не должна быть дорогою, то даже при несовершенствѣ ея работы, она можетъ приносить нѣкоторую пользу въ шерстомойныхъ заведеніяхъ.

Встрѣчается также другаго рода машина на мойкахъ, назначенная для разрыванія войлокообразныхъ рунъ и называемая здѣсь щипальною. Она состоитъ изъ небольшаго цилиндра, вставленнаго въ ящикъ такой же формы. Наружная поверхность цилиндра и внутренняя поверхность ящика усажены острыми желѣзными шипами. Войлокообразное руно вкладывается въ ящикъ; цилиндръ ворочается посредствомъ рукоятки; такимъ образомъ острые шипы разрываютъ руно на мѣлкія части. Однако же эта машина имѣетъ самое ограниченное употребленіе; потому что войлокообразныя руна встрѣчаются рѣдко между тонкою шерстью Она есть у гг. Цыгаревыхъ и Коровина, хотя у послѣдняго вовсе не употребляется въ дѣло.

Поступающая въ мытье шерсть (разумѣется каждый сортъ отдѣльно отъ другихъ) прежде всего подвергается запаркѣ. Эта работа принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ въ шерстомойномъ дѣлѣ. Цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы привести постороннія вещества, заключающіяся въ шерсти, въ такое состояніе, въ

которомъ они наилучше могутъ быть отмыты водою. Чѣмъ искуснѣе запарена шерсть, тѣмъ чище и скорѣе она моется; напротивъ того, при неправильной запаркѣ, въ шерсти всегда останется часть жирныхъ веществъ, хотя бы всѣ прочія работы мытья были произведены со всевозможною тщательностію. Кромѣ того, отъ искусной запарки самыя качества шерсти, особенно тонина, принимаютъ болѣе благопріятный видъ.

Но дабы привести постороннія вещества, находящіяся въ шерсти, въ состояніе, въ которомъ они наилучше отмываются, необходимо, кромѣ горячей воды, употребить нѣкоторыя вспомогательныя средства. Къ такимъ средствамъ принадлежатъ, какъ извѣстно, щелочи, а также часть тѣхъ самыхъ веществъ, кои заключаются въ шерсти, т. е. часть такъ называемой *сѣрки*.

Чтобы понять, почему щелочи и часть сѣрки могутъ способствовать очищенію шерсти, нужно припомнить, что постороннія вещества, которыя должны быть удалены изъ нея мытьемъ, принадлежатъ, кромѣ грязи, къ числу жирныхъ тѣлъ. Одна часть этихъ жирныхъ тѣлъ находится свободною, ни съ чѣмъ не соединенною; другая же соединена съ щелочами и представляетъ родъ мыла. Если первая часть бу-

детъ подвержена дѣйствію щелочей, то она также соединится съ ними и образуетъ подобное же мыло: а всякое мыло, какъ извѣстно, растворяется въ водѣ, или, если первая часть будетъ обмыливаема достаточнымъ количествомъ мыла обыкновеннаго, либо такого, какое находится въ шерсти, то она ему то же уступитъ, и сдѣлается растворимою *.

Однако же щелочи должны быть употребляемы въ настоящемъ случаѣ съ большою осторожностію; ибо щелочи сильныя, а также въ излишнемъ количествѣ употребленныя, не только дѣйствуютъ на посторонніе вещества, но разъѣдаютъ самую шерсть и чрезъ то лишаютъ ее надлежащей крѣпости. По этому признано за наилучшее употреблять для запарки шерсти сѣрку.

Потребная для этой цѣли сѣрка можетъ быть извлекаема отчасти изъ тѣхъ же самыхъ рунъ, кои подвергаются очищенію; но какъ се бываетъ недостаточно, то необходимо приготовлять часть ее изъ другихъ рунъ; т. е. для запарки каждаго руна нужно употреблять, кромѣ той сѣрки, которая заключается въ немъ

---

* Впрочемъ изъ анализовъ Шеврёля видно, что въ шерсти есть и такія жирныя тѣла, кои съ щелочами не даютъ мыла, но и они дѣйствіемъ щелочей хотя отчасти могутъ быть удалены изъ шерсти. *Прим. Соч.*

самомъ, еще часть посторонней. Въ шерстомойныхъ заведеніяхъ извлекаютъ эту недостающую для запарки тонкой шерсти часть сѣрки изъ рунъ простыхъ породъ овецъ, какъ изъ матеріала наиболѣе дешеваго.

Но такъ, какъ не всѣ заведенія находятъ для себя выгоднымъ покупать простую шерсть, то иныя изъ нихъ стараются замѣнить часть нужной имъ сѣрки щелочами. Извѣстно, что самою лучшею щелочью для запарки шерсти почитается аммоніакъ, который на суконныхъ фабрикахъ получается изъ мочи; но наши Русскія заведенія стараются избѣгать употребленія этого послѣдняго вещества, а употребляютъ щелочи изъ золы, поташъ или просто печную золу *.

Впрочемъ нашимъ промышленникамъ не безъизвѣстно, что зола и поташъ могутъ оказывать неблагопріятное дѣйствіе на шерсть; но они нерѣдко употребляютъ эти вещества для того во первыхъ, чтобы избавиться отъ непріятности работать съ мочею, а во вторыхъ, чтобы не покупать простыхъ рунъ для сѣрки, и чрезъ то уменьшить издержки, потребныя на мытье шерсти. Вообще у насъ вполнѣ зна-

* Сколько мнѣ извѣстно, то близъ Харькова моча употребляется только на мойкѣ г. Швальбаха. *Прим. Соч.*

ютъ, что можно мыть шерсть лучше, чѣмъ она иногда моется; но лучшее мытье не всегда находятъ выгоднымъ, потому что при такомъ мытьѣ надобно употреблять болѣе расходовъ и сообразно съ тѣмъ брать дороже за чистую шерсть, а между тѣмъ въ Москвѣ дешевый товаръ имѣетъ бóльшiй ходъ, чѣмъ дорогой.

И такъ, вотъ основанiя, съ которыми соображаются наши шерстомойныя заведенiя касательно запарки шерсти. Тѣ заведенiя, которыя имѣютъ цѣлью выпускать товаръ въ самомъ лучшемъ видѣ и не считаютъ нужнымъ заботиться о всевозможномъ сбереженiи издержекъ, потребныхъ на мытье, употребляютъ для запарки одну только простую сѣрку (т. е. получаемую изъ рунъ простыхъ породъ овецъ). Другiя, имѣющiя цѣлью выпускать столь же хорошiй товаръ и въ то же время заботящiяся о возможномъ сбереженiи расходовъ на мытье, стараются замѣнить часть сѣрки щелочами и работаютъ съ простою сѣркою и золою или поташомъ вмѣстѣ. Иныя, еще болѣе увлекаемыя экономическими расчетами, простой сѣрки вовсе не употребляютъ, а запариваютъ шерсть въ однѣхъ щелочахъ. Наконецъ, есть и такiя заведенiя, въ коихъ не встрѣчается ни простой сѣрки, ни щелочей; здѣсь запарка производится посредствомъ одной горячей воды и,

какъ само собою разумѣется, той сѣрки, которая заключается въ запариваемыхъ рунахъ. Конечно, въ послѣднемъ случаѣ, запарка бываетъ самая несовершенная, и шерсть не можетъ быть очищена вполнѣ отъ постороннихъ веществъ; но употребленіе глины, которое, какъ мы увидимъ ниже, распространено почти на всѣхъ мойкахъ южной Россіи, замѣняетъ отчасти недостаточность запарки.

Находящіяся въ Харьковѣ мойки, относительно запарки, могутъ быть распредѣлены по всѣмъ исчисленнымъ отдѣламъ. Такъ у г. Рыжова прошедшимъ лѣтомъ употреблялась одна простая сѣрка; у г. Коровина простая сѣрка и щелочь; у гг. Цыгаревыхъ и Климова одна щелочь; у г. Кувшинникова не было ни той, ни другой. Впрочемъ кажется, что въ этомъ отношеніи не всѣ здѣшнія мойки бываютъ постоянны; такъ у гг. Цыгаревыхъ недавно еще работали съ простою сѣркой, а теперь ее болѣе не употребляютъ.

Самое производство запарки и необходимое для этого производства устройство аппаратовъ состоятъ на здѣшнихъ мойкахъ въ слѣдующемъ:

Тамъ, гдѣ употребляютъ для запарки простую сѣрку или щелочи въ видѣ щелока, или то и другое вмѣстѣ, сначала приготовляютъ эти вещества.

Приготовленіе ихъ очень просто. Обыкновенно на открытомъ мѣстѣ имѣется печка самаго простаго устройства. Въ нее вмазанъ мѣдный или чугунный котелъ, величиною въ діаметрѣ до двухъ аршинъ. Подлѣ стоитъ такой же величины деревянный чанъ. Въ котлѣ нагрѣвается вода. Въ чанъ складываются руна простыхъ овецъ, или насыпается зола и наливается горячая вода изъ котла. Часа черезъ два или три, когда настой будетъ готовъ, его черпаютъ изъ чана ведрами и переливаютъ въ желобъ, по которому приводится онъ къ запарному балагану.

Запарнымъ балаганомъ называется строеніе, въ которомъ производится запарка шерсти. Иногда, какъ у г. Коровина, здѣсь же приготовляется сѣрка и щелокъ. Это строеніе дѣлается изъ досокъ и имѣетъ видъ обыкновеннаго балагана, у котораго одна сторона открыта, т. е. не имѣетъ стѣны. Съ этой стороны приносится въ корзинахъ или привозится на телѣгахъ, устланныхъ ряднами, шерсть и сваливается въ одномъ углу строенія; съ этой же стороны по большей части она относится также на плоты, или къ тому мѣсту, гдѣ смѣшивается съ глиною. Въ противоположномъ углу сдѣлана печка очень простаго устройства; внутри балагана она имѣетъ видъ высокаго кирпичнаго помоста, топка же ея внѣ балагана. Въ

помостъ вставленъ котелъ такой же величины, какъ тотъ, который назначенъ для приготовленія простой сѣрки и щелока. Въ котелъ наливается простая сѣрка и щелокъ, или то и другое вмѣстѣ, смотря по тому, гдѣ съ чѣмъ работаютъ; сюда же поступаетъ, какъ увидимъ послѣ, и та сѣрка, которая получается изъ мериносовыхъ рунъ при самой запаркѣ; все это разводится здѣсь водою и нагрѣвается до кипяченія. Еще чаще бываетъ въ печкѣ по два котла: одинъ большій, другой меньшій. Меньшій служитъ какъ бы подмогою большему. Въ немъ нагрѣвается чистая вода съ тою цѣлью, чтобы разводить сѣрку и щелокъ, находящіеся въ большемъ котлѣ, не холодною, но уже горячею водою, чѣмъ ускоряется работа; или же меньшій котелъ употребляется для первоначальнаго приготовленія простой сѣрки и щелока, какъ у г. Коровина; а иногда, какъ у г. Климова, меньшій котелъ служитъ только замѣною большему, когда послѣдній бываетъ въ починкѣ. Подлѣ рѣчки поставлены рядомъ двѣ или три ванны. Каждая ванна есть деревянный элиптическій чанъ, длиною около сажени, шириною и глубиною въ аршинъ. Элиптическими ванны дѣлаются для того, чтобы удобнѣе вынимать изъ нихъ шерсть. Назначенная въ запарку шерсть накладывается въ эти ванны до верху и обливается горячимъ настоемъ,

проводимымъ посредствомъ желоба изъ котла. Когда дѣйствіе настоя на шерсть окончится, то она вынимается изъ ваннъ палками и складывается надъ особымъ ящикомъ. Этотъ ящикъ, замѣняемый не рѣдко очень длиннымъ чаномъ, установленъ съ боку ваннъ: имѣетъ одинаковую съ ними высоту и ширину, но длиною гораздо больше; онъ бываетъ покрытъ пробуравленными досками, или желѣзнымъ листомъ съ множествомъ отверстій, или же грубою парусиной. Въ него стекаетъ съ шерсти жидкость, которою на мойкахъ весьма дорожатъ, а потому стараются собрать ее безъ потери. Жидкость эта состоитъ изъ смѣси употребленныхъ для запарки веществъ и растворенной при посредствѣ ихъ мериносовой сѣрки. Въ ящикѣ она раздѣляется сама собою на двѣ части; на дно садится полужидкая грязь, выбрасываемая вонъ, какъ предметъ, неимѣющій употребленія, а вверху собирается густой растворъ, который выпускаютъ чрезъ имѣющееся на нѣкоторой высотѣ ящика отверстіе, и собираютъ въ особый, вкопанный въ землю чанъ. Изъ этого послѣдняго чана растворъ черпается бадьями и переливается въ котелъ, гдѣ онъ нагрѣвается и откуда снова идетъ въ запарку шерсти. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же растворъ сѣрки служитъ для запарки шерсти нѣсколько разъ, что достигает-

ся посредствомъ самаго простаго и экономическаго устройства аппаратовъ, и что принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу самыхъ полезныхъ изобрѣтеній на мойкахъ.

У гг. Цыгаревыхъ и Познякова запарка шерсти производится нѣсколько иначе, чѣмъ въ другихъ заведеніяхъ, и число потребныхъ для этого производства аппаратовъ еще болѣе уменьшено. Здѣсь нѣтъ ни ваннъ, ни ящика для стока жидкости съ шерсти; запаривается же шерсть въ тѣхъ самыхъ котлахъ, въ которыхъ нагрѣвается нужный для запарки настой. Съ этой цѣлью у гг. Цыгаревыхъ печка углублена въ землю и помостъ надъ нею не выше аршина. Въ него вставлены три элиптическіе котла, сходные съ ваннами въ другихъ заведеніяхъ. Сюда опускается шерсть въ большихъ плетеныхъ корзинахъ, которыя, по вынутіи изъ котловъ, поддерживаются надъ ними нѣсколько минутъ для стока жидкости; потомъ шерсть изъ корзинъ выбрасывается на покатый полъ, по коему остальная жидкость стекаетъ въ особый, вкопанный въ землю чанъ.

Что касается до времени, въ продолженіи котораго шерсть должна быть подвергаема запаркѣ, т. е. дѣйствію настоя въ ваннахъ, то на это въ здѣшнихъ заведеніяхъ нѣтъ опредѣленнаго правила. Обыкновенно шерсть остается

въ одной ваннѣ до тѣхъ поръ, пока работницы успѣютъ очистить слѣдующую ванну и наполнить ее новымъ количествомъ шерсти, на что потребно около четверти часа.

Также невозможно опредѣлить, какое количество простой сѣрки и щелочей употребляется здѣсь для запарки опредѣленнаго количества мериносовой шерсти; въ настоящемъ случаѣ каждое заведеніе руководствуется своими правилами и имѣетъ въ виду тѣ соображенія, о коихъ было упомянуто выше.

Запаренная шерсть стаскивается съ ящика, въ который стекаетъ съ нея жидкость, на полъ желѣзными граблями, накладывается на носилки, состоящія изъ куска холста, натянутаго между двумя палками, и относятся для первоначальной промывки на рѣку, или же, какъ у г. Коровина, идетъ прямо къ мѣсту, гдѣ смѣшивается съ глиною. На рѣкѣ первоначальная промывка производится точно такъ же, какъ и окончательная; а потому о той и другой я буду говорить въ одномъ мѣстѣ; теперь же перейду къ описанію слѣдующей работы очищенія шерсти, именно — къ смѣшиванію ея съ глиною.

Запаренная и одинъ разъ промытая въ рѣкѣ шерсть называется перегономъ. Она очень отличается отъ шерсти грязной, а также и отъ того перегона, который приготовляется овцево-

дами въ самыхъ помѣстьяхъ. Въ ней нѣтъ болѣе мылообразныхъ веществъ; также и количество грязи очень уменьшено; но цвѣтъ ея еще сѣрый; ибо оставшіяся частицы грязи становятся замѣтнѣе на бѣлой поверхности. Главное же вещество, оставшееся въ перегонѣ въ значительномъ количествѣ, составляетъ часть жира, не успѣвшаго обмылиться отъ дѣйствія щелочей и сѣрки. Эта-то часть жира удерживаетъвъ себѣ нѣкоторое количество грязныхъ веществъ и тѣмъ вредитъ потребной чистотѣ шерсти. Для удаленія этой части жира, нужно прибѣгнуть еще къ одной работѣ, которая на мойкахъ Южной Россіи состоитъ въ смѣшиванія шерсти съ глиною.

Но спрашивается, почему на мойкахъ южнаго края Россіи употребленіе глины распространено почти повсемѣстно, тогда какъ извѣстно, что шерсть можетъ быть вполнѣ очищена безъ помощи этого вещества посредствомъ одной только сѣрки или щелочей? Такъ въ лучшихъ заграничныхъ заведеніяхъ этого рода мы не встрѣчаемъ примѣра, чтобы для очищенія тонкой шерсти употреблялась глина; также и у насъ на многихъ суконныхъ фабрикахъ и на нѣкоторыхъ мойкахъ, учрежденныхъ иностранцами, моютъ шерсть безъ глины. Извѣстно даже, что глина не только весьма значительно увеличиваетъ работу на мойкахъ, но, что въ осо-

4*

бенности замѣчательно, придаетъ шерсти излишнюю жесткость. Между тѣмъ, въ нашей шерстяной промышленности, этому веществу приписываютъ такую важность, что многіе фабриканты не покупаютъ той шерсти, которая вымыта безъ помощи его: и это обстоятельство имѣетъ у насъ такую силу, что Харьковская Акціонерная Компанія, отдавая прошедшимъ лѣтомъ принятый ею товаръ въ разныя заведенія для промывки, должна была сдѣлать условіе съ г. Швальбахомъ, работающимъ на своей мойкѣ посредствомъ мочи, чтобы Компанейская шерсть не была очищаема мочею, но обыкновеннымъ способомъ, такъ, какъ она очищается на прочихъ здѣшнихъ мойкахъ, т. е. при посредствѣ глины. Напротивъ того, тѣ промышленники, которые, скупая шерсть, имѣютъ въ виду сбытъ ея за границу, ищутъ предпочтительно товара, промытаго безъ глины. Отчего же происходитъ такая разница въ требованіяхъ Русскихъ и иностранныхъ фабрикантовъ, и въ способахъ мытья на Русскихъ и иностранныхъ мойкахъ? Дѣло въ томъ, что шерсть можетъ быть вполнѣ очищена посредствомъ одной сѣрки или щелочей только въ томъ случаѣ, когда эти вещества будутъ употреблены въ достаточномъ количествѣ, въ которомъ они въ состояніи обмылить всѣ находящіяся въ шерсти жир-

ныя тѣла, или покрайней мѣрѣ привести эти тѣла въ такой видъ, въ коемъ они легко могутъ быть отмыты водою. А мы видѣли выше, что употреблять много простой сѣрки наши заведенія находятъ для себя невыгоднымъ; пользоваться же большимъ количествомъ щелочей они не могутъ; ибо употребляютъ щелочи столь сильныя, что, при значительномъ количествѣ ихъ, шерсть можетъ потерять свою крѣпость. Напротивъ того, въ заграничныхъ шерстомойныхъ заведеніяхъ либо употребляютъ столько сѣрки, сколько нужно, либо пользуются аммоніакомъ изъ гніющей мочи, который не оказываетъ на шерсть такого разрушительнаго дѣйствія, какъ щелочи, добываемыя изъ золы, а потому можетъ быть взятъ въ большемъ противъ нихъ количествѣ. Также точно поступаютъ и у насъ на многихъ суконныхъ фабрикахъ и на нѣкоторыхъ мойкахъ, заведенныхъ иностранцами. Слѣдовательно, при обыкновенныхъ способахъ запарки, распространенныхъ на мойкахъ южной Россіи, т. е. при недостаточномъ употребленіи сѣрки и при невозможности пользоваться большимъ количествомъ щелочей, шерсть не можетъ быть очищена вполнѣ, если не будетъ употреблено для этого еще какого-нибудь вспомогательнаго средства. Такое средство представляетъ глина, которая имѣетъ спо-

собность вбирать въ себя жирныя вещества и чрезъ то позволяетъ отдѣлять всю грязь отъ шерсти. Вотъ почему наши фабриканты обыкновенно требуютъ шерсти, очищенной глиною. Они знаютъ, что наибольшая часть нашихъ шерстомойныхъ заведеній безъ глины не очистятъ вполнѣ шерсти; и это мнѣніе у нихъ такъ укоренилось, что иные изъ нихъ даже думаютъ, будто-бы вовсе нельзя мыть шерсти безъ глины. Они также знаютъ, что глина, извлекая изъ шерсти очень много жирныхъ веществъ, придаетъ ей нѣкоторую жесткость; но на это обстоятельство особеннаго вниманія не обращаютъ; потому что для нихъ выгоднѣе купить товаръ жесткій, но легковѣсный, чѣмъ мягкій, но такой, котораго вѣсъ увеличенъ отъ содержащагося въ немъ жира. Если же для заграничнаго сбыта преимущественно требуется шерсть, промытая безъ глины, то это потому, что на заграничныхъ фабрикахъ наша шерсть можетъ быть перемыта вторично; слѣдовательно, нѣтъ надобности вполнѣ очищать этотъ товаръ въ Россіи, но нужно только освободить его отъ излишняго количества грязи и чрезъ то уменьшить его вѣсъ; или же за границу идетъ иногда такая шерсть, которая въ самой Россіи промыта на иностранный образецъ.

Дабы глина могла оказать дѣйствіе на шерсть, нужно эти вещества привести въ тѣсное соприкосновеніе посредствомъ смѣшенія. На здѣшнихъ мойкахъ это дѣлается слѣдующимъ образомъ:

Сперва глину разводятъ водою. Для этого имѣется деревянный, до половины вкопанный въ землю ящикъ. Размѣры его зависятъ отъ количества потребляемой на мойкѣ глины; обыкновенно же онъ бываетъ въ длину отъ 2 до 3 саженъ, въ ширину отъ 1 до 2 саженъ, въ глубину около аршина. Въ него набрасываютъ потребное количество глины, примѣрно до одной четверти ящика, наливаютъ почти вдвое болѣе воды и болтаютъ лопатами до тѣхъ поръ, пока глина совершенно распустится въ водѣ и образуетъ полужидкую массу. Подлѣ этого ящика имѣется другой подобный же, но по длинѣ и ширинѣ почти вдвое большій, а по глубинѣ нѣсколько меньшій, называемый топтальнею. Въ этомъ-то большемъ ящикѣ производится смѣшеніе глины съ шерстью. Въ немъ разстилаютъ шерсть пластомъ толщиною до двухъ вершковъ и обливаютъ ее разболтанною глиною изъ ведеръ; сверху накладываютъ другой такой же пластъ шерсти и снова обливаютъ его глиною и т. д. до тѣхъ поръ, пока весь ящикъ будетъ наполненъ массою. Разстилая шерсть, стараются

ся раструсывать ее, дабы не оставалось въ ней комковъ; иногда же, какъ у г. Климова, этою работою занимаются предварительно, лишь только шерсть будетъ принесена съ рѣки къ глинѣ. Въ наполненный ящикъ входятъ нѣсколько работницъ и мнутъ ногами массу до тѣхъ поръ, пока глина и шерсть не обратятся въ однообразную смѣсь. Тогда смѣсь эту выбрасываютъ лопатами на досчатый помостъ, устроенный съ боку ящика, а отсюда берутъ ее на посилки и снова относятъ къ рѣкѣ. На иныхъ мойкахъ, вмѣсто двухъ ящиковъ, назначенныхъ для разбалтыванія глины въ водѣ и для смѣшенія шерсти съ глиною, бываетъ ихъ четыре, а иногда еще больше; вообще же мѣсто, гдѣ шерсть смѣшивается съ глиною, называется въ здѣшнемъ краѣ глинницею. Самая лучшая глинница въ Харьковѣ устроена у г. Познякова; она очень удобна и размѣры ея правильны. Такъ какъ у г. Познякова промывается много обножки, то къ двумъ обыкновеннымъ ящикамъ глинницы прибавленъ еще третій, имѣющій покатый къ одному углу полъ. Сюда выбрасывается смѣсь изъ втораго ящика или топтальни. Стекающая съ нея вода, уносящая съ собою разъединенные волоски шерсти и частички глины, собирается въ кадку, вкопанную въ землю подъ наклоненнымъ угломъ пола. Потомъ

вода эта процѣживается надъ первымъ ящикомъ чрезъ рѣшетку, на которой собираются волоски шерсти. Такимъ образомъ здѣсь ничто не пропадаетъ!

Хотя всякая глина способна вбирать въ себя жирныя вещества, но на мойкахъ предпочитаютъ глину рыхлую; ибо она удобнѣе разбалтывается въ водѣ и чрезъ то облегчаетъ работу. Такая глина находится близъ Харькова во многихъ мѣстахъ; но теперь берутъ ее подлѣ Бѣлгородской криницы, на разстояніи около двухъ верстъ отъ моекъ. Расходъ на перевозку глины не маловажный: на большихъ мойкахъ онъ можетъ доходить до 1,000 руб. сер. въ лѣто.

Вода, потребная для распущенія глины, а также и для запарки шерсти, берется изъ Лопани. Она черпается бадьями на рычагахъ, какъ у колодезей, и проводится къ мѣсту назначенія желобами. Обыкновенно же глинница и запарный балаганъ располагаются на самомъ берегу рѣки.

Замѣчательно, что глина способствуетъ очищенію воды въ Лопани. Если бы здѣшнія мойки работали безъ глины, то онѣ едва ли могли бы промывать такое большое количество шерсти; ибо вода въ запруженной рѣкѣ была бы слишкомъ загажена. Теперь же глина, вбирая въ

себя жирныя вещества, уноситъ ихъ на дно рѣки.

Обыкновенно шерсть смѣшивается съ глиною одинъ разъ, и только въ заведеніи г. Коровина два раза; по крайней мѣрѣ такъ поступаютъ у г. Коровина съ шерстью грязною; ту же, которая получается отъ овцеводовъ въ видѣ перегона, и здѣсь подвергаютъ смѣшиванію съ глиною по большей части только одинъ разъ.

У г. Кувшинникова нѣкоторыя партіи шерсти вовсе нейдутъ въ глину; все мытье ихъ ограничивается запаркою въ собственной сѣркѣ и промывкою въ рѣкѣ; но такая шерсть вторично перемывается на фабрикахъ.

Что касается до количества глины, потребной на данное количество шерсти, то для опредѣленія этого я не могъ собрать числовыхъ данныхъ. Могу сказать только, что глины идетъ очень много, едва ли не болѣе, по вѣсу, чѣмъ вѣситъ сама грязная шерсть.

Перейду теперь къ описанію промывки шерсти на рѣкѣ.

Мы уже видѣли, что запарка и смѣшеніе шерсти съ глиною суть работы не болѣе, какъ предварительныя; цѣль ихъ состоитъ только въ томъ, чтобы привести постороннія вещества въ шерсти въ такое состояніе, въ которомъ они наилучше могутъ быть отъ нея отдѣлены. Но дабы отдѣлить эти вещества, необходимо употре-

бить еще одну работу. Работа эта состоитъ въ промывкѣ шерсти на рѣкѣ. Выше было уже замѣчено, что запаренная шерсть обыкновенно поступаетъ для первоначальной промывки на рѣку; также точно и шерсть, смѣшанная съ глиною, идетъ на рѣку для окончательной промывки. Здѣсь отдѣляются отъ шерсти глина, грязь, жирныя и мылообразныя вещества, однимъ словомъ, здѣсь шерсть очищается вполнѣ. И такъ, проточная вода составляетъ для шерстомойныхъ заведеній совершенную необходимость.

Работа на проточной водѣ принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ работъ на мойкахъ. Конечно, она не требуетъ особеннаго искуства, но за то занимаетъ очень много рабочихъ рукъ, почти половину всѣхъ, потребныхъ для моекъ.

Для производства этой работы, на рѣкѣ устроены плоты. Они состоятъ изъ отдѣльныхъ звѣньевъ. Звѣнья сдѣланы изъ досокъ, намощенныхъ на бревна. Въ длину и ширину звѣнья эти имѣютъ до двухъ съ половиною сажень. Въ каждомъ звѣнѣ прорублено шесть отверстій, направо и налѣво по три. Величина отверстій не менѣе двухъ аршинъ въ длину и не менѣе аршина въ ширину; отстоятъ же они другъ отъ друга не болѣе, какъ на полтора аршина, а расположены такъ, что длина ихъ идетъ по направленію ширины плота. Въ отверстія встав-

лены промывательные ящики. Чтобы получить ясное понятіе объ этихъ ящикахъ, представтье себѣ сдѣланные изъ листоваго желѣза цилиндръ съ желѣзными же днами, котораго длина и толщина соотвѣтствуютъ длинѣ и ширинѣ отверстій въ звѣньяхъ плотовъ; представьте, что этотъ цилиндръ разрѣзанъ по направленію своей оси на двѣ равныя части; если каждую изъ такихъ частей вставить въ деревянную раму, то выйдетъ промывательный ящикъ. На днѣ и на бокахъ онъ пробитъ множествомъ мѣлкихъ отверстій. Звѣнья связаны по нѣскольку вмѣстѣ въ длинный рядъ. Рядъ этотъ представляетъ собою одинъ плотъ. Если взглянуть вдоль такого плота, то направо и налѣво представятся два длинные ряда промывательныхъ ящиковъ, а между этими рядами свободный проходъ въ родѣ корридора. Плотъ устанавливается своею длиною поперегъ рѣки и достигаетъ отъ берега до средины ея и далѣе. Такимъ образомъ вода, протекая въ рѣкѣ, встрѣчаетъ плотъ и проходитъ чрезъ всѣ промывальные ящики. Каждая мойка обыкновенно имѣетъ два плота, стоящіе параллельно другъ другу; одинъ изъ нихъ назначенъ преимущественно для приготовленія перегона, т. е. для первоначальной промывки шерсти, а другой для очищенія шерсти, смѣшанной съ глиною, т. е. для промывки окончательной.

Число имѣющихся на нихъ ящиковъ находится въ соотношеніи съ количествомъ промываемой шерсти и указываетъ обыкновенно на обширность заведенія; такъ у гг. Цыгаревыхъ считается ихъ 130, у гг. Коровина и Рыжова около 100, у гг. Климова и Кувшинникова до 80, у гг. Познякова и Чеботарева до 50. Для защиты рабочихъ отъ дождя, плоты покрываются холстиннымъ навѣсомъ; а дабы къ промывательнымъ ящикамъ не подходила плавающая на водѣ нечистота, у г. Рыжова спущенъ на поверхность рѣки, со стороны теченія ея, рядъ бревенъ, составляющій съ плотомъ и берегомъ треугольникъ.

Работа на плотахъ, какъ мы сей часъ увидимъ, производится *по командѣ.* Такъ какъ приготовленіе перегона требуетъ значительно менѣе времени, чѣмъ промывка шерсти, смѣшанной съ глиною, то каждый плотъ имѣетъ своего особаго надзирателя. Ко всякому промывальному ящику приставлены по двѣ работницы. Онѣ стоятъ другъ противъ друга при продольныхъ бокахъ ящика. Каждая изъ нихъ держитъ въ руках длинную, на нижнемъ концѣ развиленную палку. Поступающая на рѣку шерсть приносится на плоты особенными, для этой цѣли назначенными работницами, и сваливается на корридорахъ обыкновенно кучами; но какъ отъ такой

складки затрудняется проходъ по корридорамъ и происходитъ на плотахъ нечистота, то у гг. Рыжова и Климова сдѣланъ въ центрѣ каждаго звѣна особый, длинный ящикъ, назначенный для складки приносимой на плоты шерсти и служащій для шести промывальныхъ ящиковъ звѣна. По командѣ надзирателя *начинай!* одна работница отъ каждаго промывательнаго ящика беретъ съ корридора клокъ шерсти, вѣсомъ отъ двухъ до трехъ фунтовъ, и бросаетъ его въ свой ящикъ; подлѣ чего всѣ работницы немедленно начинаютъ болтать въ ящикахъ развиленными концами находящихся у нихъ палокъ. При этомъ работницы болтаютъ такъ, что одна изъ нихъ водитъ палкою подлѣ продольнаго бока ящика только въ правую, а другая только въ лѣвую сторону, отчего шерсть въ ящикѣ совершаетъ круги. Надзиратель наблюдаетъ за однимъ какимъ-нибудь ящикомъ и замѣчаетъ, въ какомъ состояніи находится въ немъ шерсть. Отъ безпрерывнаго болтанія палками, а также отъ теченія рѣки, вода въ ящикахъ безпрестанно перемѣняется и уноситъ съ собою всѣ нечистоты изъ шерсти. Когда вода въ ящикѣ сдѣлается свѣтлою, а шерсть чистою, на что требуется утромъ, при чистой водѣ, около четырехъ, а къ вечеру, когда вода въ рѣкѣ смутится, до пяти и шести минутъ (разумѣя здѣсь, что работа идетъ

съ шерстью, смѣшанной съ глиною), надзиратель командуетъ *стой!* Тогда болтаніе въ ящикахъ во всемъ плотѣ немедленно останавливается; работницы переворачиваютъ палки, верхними концами ихъ вынимаютъ шерсть изъ ящиковъ и складываютъ ее въ плетенья корзиночки съ дужками, имѣющіяся при каждомъ ящикѣ по одной и стоящія на окраинѣ плота. Послѣ четырехъ или пяти командъ, корзиночки эти наполняются шерстью; промывальщицы сами относятъ ихъ съ плота на опредѣленное мѣсто, при чемъ по необходимости проходятъ мимо надзирателя, а опытный глазъ его видитъ достоинство работы въ каждой корзинкѣ.

Работа на плотахъ по командѣ составляетъ самое остроумное и вмѣстѣ съ тѣмъ полезное изобрѣтеніе на мойкахъ. Надобно видѣть, съ какою быстротою, точностію и въ какомъ порядкѣ она производится! Да, здѣсь нельзя лѣниться, нельзя работать такъ, какъ хочется! Одна изъ важнѣйшихъ выгодъ такой работы заключается въ скорости: здѣсь каждая работница промываетъ ежедневно такое количество шерсти, болѣе котораго нельзя промыть; а другая выгода состоитъ въ томъ, что не нужно имѣть опытныхъ работницъ: опытность надзирателя здѣсь замѣняетъ все. Поэтому, работа на плотахъ по командѣ введена во всѣхъ Харьковскихъ шер-

стомойныхъ заведеніяхъ, кромѣ заведенія г. Коровина. Въ этомъ послѣднемъ заведеніи находятъ, что при такой работѣ въ шерсти иногда попадается недомой; именно, когда нѣкоторыя работницы замѣшкаются или полѣнятся иной разъ прилѣжно болтать, а при командѣ вынимаютъ изъ ящиковъ шерсть вмѣстѣ съ прочими. Конечно, недомой можетъ случиться при такой работѣ; но за то шерсть вообще промывается однообразнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда работа предоставлена на произволъ промывальщицъ, и когда иныя изъ нихъ могутъ работать прилѣжнѣе и продолжительнѣе надъ однимъ клочкомъ шерсти, а иныя лѣнивѣе и короче; а сколько при этомъ теряется въ успѣшности работы!

Успѣшность промывки много зависитъ также отъ чистоты воды въ рѣкѣ. Чѣмъ чище вода, тѣмъ скорѣе и лучше промывается шерсть. Прошедшимъ лѣтомъ, отъ сильныхъ жаровъ и бездождія, Лопань была очень нечиста, такъ что въ шерстомойныхъ заведеніяхъ съ нетерпѣніемъ ждали осени, съ приближеніемъ которой рѣка сдѣлалась чище и промывка пошла успѣшнѣе.

Работницы, занимающіяся промывкою на плотахъ, а также и тѣ, которыя запариваютъ шерсть и мнутъ ее съ глиною, приходятъ по большей части изъ деревень и нерѣдко издале-

ка, верстъ за сто и болѣе. Вообще, для этихъ работъ, деревенскія женщины должны быть предпочитаемы горожанкамъ; ибо первыя крѣпче и сносливѣе послѣднихъ. Поденная плата за эти работы 50 коп. асс.; впрочемъ за работу съ глиною платится болѣе, до 70 к. асс., а за переноску шерсти къ плотамъ, чѣмъ занимаются обыкновенно малолѣтныя дѣвочки, менѣе, коп. по 49.

Вечеромъ, когда работа окончится, промывальные ящики вытаскиваются изъ воды и очищаются отъ оставшихся въ нихъ охлопковъ шерсти, которые забиваются въ отверстія дна и боковъ.

Промытая на плотахъ шорсть складывается на особенныхъ помостахъ, устраиваемыхъ на берегу рѣки близъ самыхъ плотовъ. Помосты эти дѣлаются изъ досокъ и имѣютъ видъ покатыхъ къ рѣкѣ возвышеній. Обыкновенно ихъ бываетъ два: одинъ для складки перегона, а другой для шерсти, окончательно промытой. На нѣкоторыхъ мойкахъ надъ ними сдѣланы навѣсы, защищающіе шерсть отъ пыли и дождя. Отсюда перегонъ поступаетъ въ глину, а шерсть, окончательно промытая, для просушк

Просушка шерсти составляетъ работу, непосредственно слѣдующую за окончательною промывкою шерсти въ рѣкѣ.

Исполненіе этой работы требуетъ устройства особенныхъ мѣстъ, называемыхъ сушильнями.

Сушильня только въ томъ случаѣ можетъ удовлетворять вполнѣ своему назначенію, когда она: 1) представляетъ достаточное пространство для просушки опредѣленнаго количества шерсти; 2) имѣетъ потребное для этого устройство; 3) не дозволяетъ шерсти пачкаться о землю; 4) защищаетъ шерсть отъ разноса вѣтромъ; 5) не допускаетъ къ ней пыли; 6) укрываетъ ее отъ дождя.

Приложимъ эти требованія къ устройству сушилень, имѣющихся въ Харьковскихъ шерстомойныхъ заведеніяхъ.

Каждое изъ здѣшнихъ заведеній пользуется обширными мѣстами, расположенными по берегу рѣки Лопани и составляющими либо собственность владѣльцевъ заведеній, либо взяты ими на откупъ. Мѣста эти болѣе чѣмъ достаточны для просушки того количество шерсти, которое здѣсь ежегодно промывается.

На этихъ мѣстахъ устроены такъ называемыя *вѣшала*. Вѣшало есть не что иное, какъ длинный рядъ стоекъ, между которыми натянуты веревки. Вышина стоекъ около сажени, разстояніе между ними въ ряду около двухъ сажень. Въ каждой стойкѣ пробуравлено обыкновенно четыре отверстія на разстояніи другъ

отъ друга около полуаршина. Чрезъ отверстія продѣто четыре ряда нетолстыхъ веревокъ. Верхняя изъ нихъ находится на такой высотѣ, что работницы, стоя на землѣ, удобно могутъ доставать ее рукою. Такихъ вѣшалъ на большихъ мойкахъ бываетъ до 200 и болѣе; они идутъ параллельно другъ другу, на разстояніи одно отъ другаго около аршина, а длина ихъ простирается до 20 и болѣе сажень. Но такое разстояніе между вѣшалами можно допустить только при обширности мѣста; тамъ же, гдѣ дорожатъ пространствомъ, напр. при крытыхъ сушильняхъ, удобнѣе располагать ихъ пàрами. Въ каждой парѣ вѣшала могутъ быть очень близко другъ къ другу, но между пàрами должно оставаться столько пространства, сколько нужно для проноски корзинъ съ шерстью, для развѣшиванія и собиранія ея, однимъ словомъ, для удобнаго теченія работъ. Вообще же должно сказать, что устройство вѣшалъ въ Харьковѣ вполнѣ удовлетворительно.

Дабы шерсть не пачкалась о землю, обыкновенно стараются сохранить подъ вѣшалами траву. Такъ подъ всѣми сушильнями у гг. Цыгаревыхъ и Кувшинникова и подъ значительною частію ихъ у гг. Рыжова и Климова, трава составляетъ единственную защиту отъ пачканья шерсти о землю. Правда, низменность

мѣста, на которомъ устроены здѣшнія мойки, благопріятствуютъ растительности; однакоже бываютъ годы, когда трава отъ бездождія высыхаетъ; тогда сушка шерсти, при такомъ устройствѣ сушилень, подвергается нѣкоторымъ неудобствамъ. Такъ прошедшимъ лѣтомъ трава въ здѣшнихъ мѣстахъ до того выгорѣла, что на нѣкоторыхъ мойкахъ принуждены были подстилать подъ вѣшало рядна. Для избѣжанія подобныхъ неудобствъ, у гг. Коровина и Познякова сушильни устроены на досчатыхъ помостахъ *; но особенно хорошо сдѣланы подобные помосты подъ одною частію сушилень у гг. Рыжова и Климова, гдѣ имъ данъ на двѣ стороны небольшой скатъ, отчего они послѣ дождя немедленно просыхаютъ и бываютъ чисты. Конечно, устройство досчатыхъ помостовъ на такомъ обширномъ пространствѣ, какое обыкновенно занимаютъ вѣшала, требуетъ значительнаго расхода, но иногда оно бываетъ почти необходимо, напр. при сушкѣ высшихъ сортовъ шерсти, которые должны быть тщательно сбережены отъ засоренія.

Дабы защитить шерсть отъ разноса вѣтромъ, всѣ открытыя сушильни у г. Коровина и часть

* Впрочемъ, при устройствѣ этихъ помостовъ, здѣсь болѣе имѣли въ виду низменность мѣста, заливаемаго весенними разливами рѣки. *Прим. Соч.*

ихъ у г. Рыжова окружены довольно густою веревчатою сѣткою. Сѣтка эта растянута между особыми стойками и превышаетъ своею высотою высоту вѣшалъ. Клочки шерсти, срываемые вѣтромъ съ веревокъ, задерживаются сѣткою и либо цѣпляются на ней, либо падаютъ на помостъ сушильни. Такимъ образомъ здѣсь шерсть не разбрасывается по всему двору и въ ней не бываетъ потери. Къ этому не мѣшаетъ также прибавить, что сѣтки придаютъ очень красивый видъ сушильнямъ.

Отчасти съ тою же цѣлью, а отчасти для удержанія пыли, которая легко пристаетъ къ мокрой шерсти, поставлены у г. Рыжова вокругъ всѣхъ сушилень, а у г. Климова около одной части ихъ, досчатые заборы. Такіе заборы еще лучше сѣтокъ защищаютъ шерсть отъ вѣтра и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ ее чистою отъ пыли. Впрочемъ, такъ какъ здѣшнія мойки удалены отъ проѣзжихъ дорогъ и улицъ, то пыль можетъ быть заносима къ нимъ только во время бурь.

Что касается до послѣдняго условія, которое мы сдѣлали касательно хорошаго устройства сушильни, именно, чтобы она защищала шерсть отъ дождя, то это условіе ни на одной Харьковской мойкѣ не соблюдено. Въ настоящее время здѣсь нѣтъ крытыхъ сушилень, кромѣ

небольшой сушильни у г. Коровина, помѣщающейся въ старомъ домѣ, но она такъ мала и устройство ея представляетъ такъ мало достопримѣчательнаго, что о ней можно бы вовсе не упоминать. Прежде была великолѣпная крытая сушильня у гг. Цыгаревыхъ и другая подобная ей у г. Коровина; но прошедшею весною первая сгорѣла, а вторая повалена вѣтромъ. Особенно была замѣчательна по удобству и красотѣ первая. Она представляла обширное двуэтажное зданіе съ высокимъ чердакомъ, могла вмѣщать въ себя разомъ большое количество шерсти, въ ясный день открывалась для свободнаго теченія воздуха, а при наступленіи непогоды могла быть закрываема со всѣхъ сторонъ съ чрезвычайною быстротою и легкостію. Я часто сожалѣю, что въ свое время не взялъ позволенія у владѣльцевъ снять съ этой сушильни подробный рисунокъ; она была выстроена Русскимъ человѣкомъ и представляла такое зданіе, какого нужно искать съ фонаремъ даже въ самыхъ лучшихъ заведеніяхъ Западной Европы.

По неимѣнію на здѣшнихъ мойкахъ крытыхъ сушилень, приходится иногда, при наступленіи дождя, снимать шерсть съ вѣшалъ, собирать ее въ кучи, накрывать рядиами и на все это терять работу и время; но еще хуже бываетъ во время продолжительной ненастной по-

годы, когда надобно долго ждать, пока одна партія шерсти просохнетъ и можно будетъ развѣсить другую; въ такомъ случаѣ всѣ прочія работы на мойкахъ могутъ пріостановиться; ибо нельзя же мыть шерсти, когда негдѣ ее сушить. Не смотря на эти обстоятельства, устройство крытыхъ сушилень обходится такъ дорого, что владѣльцы моекъ стараются обойтиться и безъ нихъ.

И такъ, изъ сказаннаго объ устройствѣ здѣшнихъ сушилень не трудно заключить, что самыя лучшія изъ нихъ тѣ, которыя имѣютъ подъ собою досчатые помосты и окружены сѣткою или заборомъ. Въ особенности хороша одна изъ такихъ сушилень у г. Рыжова.

Самая просушка шерсти заключается въ слѣдующемъ:

Въ опредѣленное время дня, обыкновенно къ вечеру, окончательно промытая шерсть приносится или провозится въ корзинахъ къ сушильнямъ и раскладывается здѣсь вдоль вѣшалъ кучами. Передъ наступленіемъ вечера, работницы развѣшиваютъ ее на веревки. Онѣ вѣшаютъ ее клочками и стараются распредѣлить ихъ на веревкахъ равномѣрно. Эта работа производится съ вечера, съ тою цѣлью, чтобы первые лучи восходящаго солнца застали шерсть уже на вѣшалахъ и чрезъ то ускорилася бы просушка. Если на слѣдующій день погода бу-

детъ благопріятная, то шерсть просыхаетъ скоро и къ закату солнца можетъ быть убрана Такимъ образомъ, при благопріятной погодѣ, для просушки шерсти употребляется менѣе сутокъ; но ежели наступитъ погода пасмурная или дождливая, то просушка можетъ продолжаться очень долго. Когда шерсть высохнетъ, то ее снимаютъ съ веревокъ, складываютъ въ рядна и относятъ въ особый балаганъ.

Немаловажное обстоятельство для владѣльцевъ моекъ заключается въ томъ, чтобы просушить шерсть только до извѣстной степени. Конечно, не досушить ее нельзя; ибо въ сыромъ состояніи она можетъ сопрѣть; но не должно также и пересушивать, дабы не понести излишней потери въ вѣсѣ товара. По этому, просушка шерсти составляетъ предметъ, требующій со стороны хозяина внимательности.

Обножка сушится не на вѣшалахъ, но на травѣ; отчасти потому, что развѣшивать такіе мѣлкіе клочки, изъ какихъ обыкновенно состоитъ обножка, было бы не только затруднительно, но иногда даже невозможно; а отчасти потому, что съ просушкою обножки должно быть соединено бѣленіе желтоватыхъ частей, заключающихся въ ней во множествѣ. Дабы выбѣлить обножку вполнѣ, нужно подвергать ее дѣйствію

росы и солнечныхъ лучей * впродолженіи по-крайней мѣрѣ десяти дней; при чемъ въ половинѣ этого срока должно оборотить ее нижнею стороною къ верху.

Подобнымъ же образомъ пробѣливаются иногда желтоватыя части рунной шерсти.

На высушенной шерсти можно видѣть все достоинство, сообщенное этому продукту посредствомъ мытья. Вымытая на Харьковскихъ мойкахъ шерсть обыкновенно бываетъ совершенно бѣла и очень чиста. Въ ней можно замѣтить даже нѣкоторую жесткость, происходящую оттого, что изъ шерсти извлечено глиною очень много жирныхъ веществъ. Но жесткость эта уменьшается на фабрикахъ чрезъ смачиваніе шерсти масломъ. Только на нѣкоторыхъ мойкахъ, иныя партіи, промытыя безъ глины и запаренныя въ недостаточномъ количествѣ сѣрки и щелочей, имѣютъ матовую бѣлизну и не отличаются совершенною чистотою. Такія партіи обыкновенно вторично перемываются на фабрикахъ. Но какъ бы ни была чиста только-что просушенная шерсть, въ ней всегда можно замѣтить не малое количество желтоватыхъ

---

* Такъ объясняютъ процессъ бѣленія на здѣшнихъ мойкахъ.

клочковъ, еще болѣе завитыхъ въ спираль оконечностей штапелей и несмѣтное множество рѣпешковъ, тирсы, обломковъ соломы и тому подобныхъ растительныхъ частичекъ. Въ особенности достойно замѣчанія, что сору этого послѣдняго рода въ нашихъ степныхъ шерстяхъ нерѣдко бываетъ очень много, такъ что бѣлая поверхность чистой шерсти иногда представляется какъ бы усѣяниою мѣлкими частичками растеній. Между тѣмъ желтоватая шерсть недостаточно крѣпка и не принимаетъ хорошо всѣхъ красокъ; оконечности штапелей, завитыя въ спираль, мало годны для пряжи; крупный соръ можетъ вредить нѣкоторымъ изъ тѣхъ машинъ, коими работаютъ на фабрикахъ. Всѣ эти части непремѣнно должны быть удалены изъ чистой шерсти. И такъ, здѣсь представляется еще одна работа съ шерстью, состоящая также въ очищеніи этого продукта, работа, которую называютъ на мойкахъ переборкою.

Работа эта однородна съ сортировкою; она столь же копотлива и требуетъ почти такихъ же познаній; но для нея нужно еще болѣе чистоты и опрятности, а потому строеніе, въ которомъ она производится, выбирается самое лучшее на мойкахъ и даже называется — чистымъ балаганомъ. Чистый балаганъ всегда бываетъ устланъ хорошимъ досчатымъ поломъ, а около стѣнъ

устроиваются въ немъ обширные закромы. Въ закромахъ хранится по сортамъ чистая шерсть, принесенная съ сушилень и приготовленная къ переборкѣ, а также и та, которая уже перебрана, но еще осталась въ заведеніи неупакованною. Самая переборка производится либо на полу, какъ у гг. Кувшинникова, Коровина и Познякова, либо на обыкновенныхъ сортировальныхъ столахъ, какъ у гг. Цыгаревыхъ и Климова. Она состоитъ въ томъ, что переборщицы, сидящія на полу или за столами, выбираютъ изъ шерсти желтоватые клочки, завитые, грубые концы и крупный соръ. Выбирая всѣ эти части наскоро, онѣ сбрасываютъ ихъ въ разныя мѣста; такъ частицы шерсти собираются въ стоящія подлѣ каждой работницы корзины, въ одну или въ двѣ, смотря по тому, одинъ или два сорта предполагается составить изъ тѣхъ частицъ, а соръ сбрасываютъ въ маленькія корзиночки, коробочки, иногда подъ столъ, или даже въ снятый съ ноги башмакъ. Соръ выбрасывается вонъ, а изъ отобранныхъ клочковъ шерсти составляется особенный сортъ, извѣстный подъ именемъ концовъ или брака, который у г. Коровина имѣетъ еще свои подраздѣленія. Особенно хорошъ порядокъ переборки, принятый въ заведеніи г. Рыжова. Здѣсь чистый балаганъ представляетъ обширное, весьма опрят-

ное строеніе. Въ поперечныхъ стѣнахъ онъ имѣетъ двое воротъ. Подъ одною изъ продольныхъ стѣнъ сдѣлано шесть обширныхъ закромовъ. Передъ закромами, вдоль нихъ, поставлено шесть переборочныхъ столовъ. Здѣшній переборочный столъ имѣетъ особенное устройство. По формѣ онъ похожъ на обыкновенный ученическій столъ, длиною около двухъ сажень, шириною нѣсколько болѣе аршина; но вмѣсто верхней доски, одна половина (по ширинѣ) его покрыта проволочною сѣткою, а другая толстымъ холстомъ; подъ сѣтку также подвязанъ холстъ, представляющій родъ мѣшка, подобно тому, какъ это бываетъ въ сортировальныхъ столахъ; къ противоположному же (сѣткѣ) краю прибита ребромъ доска въ видѣ стѣнки, около четверти вышиною. Переборщицы, обращенныя спиною къ закромамъ, сидятъ за столами передъ сѣткою. Шерсть, поступающая съ сушилень, складывается кучами у продольной стѣны балагана, противоположной закромамъ. Передъ каждымъ столомъ находится особенная работница. Она беретъ шерсть изъ этихъ кучъ и раскладываетъ ее на полотно своего стола. Шерсть, будучи удерживаема боковою доскою, не можетъ разсыпаться со стола на полъ. Переборщицы берутъ эту шерсть руками, кладутъ на сѣтку, перетрусываютъ (причемъ мѣлкій соръ

отчасти проваливается самъ собою чрезъ сѣтку), выбираютъ бракъ и крупный соръ, первый бросаютъ за спину на полъ, а второй складываютъ въ имѣющіяся у нихъ коробочки, и перебравши весь пучекъ, бросаютъ его впередъ стола къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ работница, раскладывающая передъ ними шерсть, изъ кучь. Эта работница повѣряетъ каждый перебранный пукъ шерсти, и если не замѣчаетъ въ немъ ничего лишняго, то бросаетъ его черезъ столъ въ закромъ. Такимъ образомъ переборка чистой шерсти у г. Рыжова производится въ чрезвычайномъ порядкѣ, со всевозможною быстротою и отчетливостью. Правда, и въ другихъ Харьковскихъ заведеніяхъ эта часть идетъ хорошо, но у г. Рыжова на нее можно указать, какъ на образцовую.

Что касается до работницъ, занимающихся переборкою шерсти, то о нихъ должно сказать то же самое, что было сказано о сортировщицахъ; ибо тѣ и другія принадлежатъ на мойкахъ къ одной категоріи. Разница только въ томъ, что переборщицы, занимаясь самою чистою работою, обязаны сохранять вокругъ себя еще болѣе чистоты и опрятности. На нѣкоторыхъ мойкахъ онѣ получаютъ плату не поденно, но съ пуда перебранной шерсти, обстоятельство, заставляющее ихъ работать прилѣжно и скоро.

Переборкою оканчиваются всѣ работы очищенія шерсти. Но очищенная шерсть должна быть еще упакована въ мѣшки, въ которыхъ она обыкновенно поступаетъ въ торговлю.

Мѣшки, потребные для упаковки шерсти, приготовляются на самыхъ мойкахъ. Они сшиваются изъ весьма плотнаго и толстаго холста и имѣютъ очень большіе размѣры. Обыкновенно набитый шерстью мѣшокъ бываетъ въ длину болѣе сажени, въ толщину болѣе аршина, а вѣситъ до десяти пудовъ. Такихъ мѣшковъ можетъ помѣститься на телѣгѣ три или четыре.

Главное правило при упаковкѣ шерсти состоитъ въ томъ, чтобы набить ее въ мѣшки какъ можно плотнѣе. Это правило соблюдается во первыхъ потому, что при плотной упаковкѣ потребно для мѣшковъ меньше холста; а во вторыхъ потому, что плотно упакованная шерсть получаетъ меньшій объемъ и становится чрезъ то удобнѣе для перевозки. Расходъ же на холстъ для мѣшковъ не маловаженъ, ибо аршинъ такого холста стóитъ не менѣе 30 коп. асс.; весь же расходъ на мѣшки можетъ простираться до 50 коп. асс. на каждый пудъ чистой шерсти.

Дабы упаковать шерсть сколь возможно плотнѣе, нужно либо употребить особенную машину, либо утоптать шерсть ногами. На Харьковскихъ мойкахъ машинъ для этого не имѣет-

ся, а производится упоковка слѣдующимъ образомъ: Въ чистомъ балаганѣ къ потолочнымъ перекладинамъ подвѣшены другъ противъ друга толстые бруски, длиною въ аршинъ и въ разстояніи одинъ отъ другаго также около аршина. Къ отверстію мѣшка прикрѣпляются четыре веревки. Этими веревками мѣшокъ подтягивается къ означеннымъ брускамъ. Въ повѣшенный такимъ образомъ мѣшокъ влѣзаютъ двѣ работницы. Имъ подаютъ шерсть снизу. Онѣ кладутъ ее на дно мѣшка и утаптываютъ ногами. Когда мѣшокъ наполнится почти до краевъ, то его спускаютъ на полъ и зашиваютъ. Набитый этимъ способъ мѣшокъ обыкновенно бываетъ такъ плотенъ, что нисколько не подается даже отъ довольно сильнаго удара кулакомъ. Но для еще болѣе плотной упаковки шерсти, у г. Коровина была устроена какимъ-то иностранцемъ особенная машина. Какъ эта машина была устроена—я не знаю, ибо мнѣ не удалось ее видѣть; знаю только, что она оказалась неудобною и оставлена безъ употребленія.

Упакованная шерсть должна быть, до отправки въ Москву, или до сдачи владѣльцамъ, сохранена главнѣйше отъ подмочки. Иногда мѣшки съ шерстью сохраняютъ въ амбарахъ, но по большей части ихъ складываютъ на открытыхъ мѣстахъ, для чего на мойкахъ гг. Кли-

мова, Кувшинникова и Рыжова имѣются особенные помосты. Помосты эти состоятъ изъ трехъ длинныхъ рядовъ брусьевъ, идущихъ параллельно другъ другу, въ разстояніи одинъ отъ другаго около аршина, и положенныхъ на невысокихъ столбикахъ. Здѣсь мѣшки складываются кучами и покрываются сшитыми рогожами или ряднами. Такимъ образомъ на этихъ помостахъ шерсть удобно сохраняется отъ подмочки снизу и сверху.

Обыкновенно на мѣстахъ сохраненія чистой шерсти производится также отмѣчиваніе мѣшковъ. На каждомъ мѣшкѣ выставляются черною краскою знаки того сорта, который въ немъ заключается, вѣсъ шерсти, начальныя буквы имени владѣльца, а иногда и тара.

Такъ какъ поступающая на мойки и отправляемая съ нихъ шерсть должна быть взвѣшиваема, то само собою разумѣется, что удобные и большіе вѣсы составляютъ для каждой мойки первую необходимость.

Изъ постоянныхъ взвѣшиваній, производящихся на мойкахъ, легко опредѣлить, какое количество чистой шерсти выходитъ изъ грязной и перегона. Оказывается, что пудъ грязной шерсти обыкновенно даетъ 13 фунтовъ чистой, но иногда только 12 ф.; за то бываютъ случаи, хотя очень рѣдко, что изъ пуда грязной шерсти

выходитъ до 16 ф. чистой. Изъ пуда перегона обыкновенно получается 24 фунта чистой шерсти; но иныя партіи даютъ только 19 ф.; за то бываютъ и такія, которыя даютъ до 26 и даже, что однако же случается очень рѣдко, до 27 ф.

Впрочемъ, должно замѣтить, что выходы чистой шерсти не всякій годъ бываютъ одинаковы. Чѣмъ дождливѣе лѣто, тѣмъ болѣе получается чистой шерсти изъ даннаго количества грязной, и на оборотъ. Нынѣшній годъ принадлежитъ къ числу такихъ, въ которые выходы чистой шерсти бываютъ самые малые. Въ нынѣшнемъ году на югѣ Россіи почти повсемѣстно господствовала сильная засуха; руна на овцахъ не обмывались дождями; по этому въ рунахъ осталось все количество отдѣляемыхъ кожею животныхъ, мылообразныхъ веществъ, а также набилось въ шерсть много пыли.

Изъ приведенныхъ выходовъ чистой шерсти можно понять, почему очищенная фабричнымъ мытьемъ шерсть имѣетъ такую высокую цѣну въ сравненіи съ тою шерстью, которая въ грязномъ видѣ, или въ видѣ перегона доставляется овцеводами на рынки. Дѣло въ томъ, что руна отъ фабричнаго мытья теряютъ очень много вѣса.

Самое же мытье обходится не слишкомъ дорого. Это видно изъ того, что обыкновенная

плата, взимаемая мойками за промывку чужой шерсти, не превышаетъ пяти руб. асс. съ пуда выхода, т. е. здѣсь плата взимается не за то количество пудовъ, которое доставляется владѣльцемъ шерсти на мойку, но за то, которое мойка возвращаетъ владѣльцу. При этомъ мойки обязываются возвращать владѣльцамъ шерсть въ собственныхъ новыхъ мѣшкахъ, что составляетъ также, какъ мы видѣли выше, немаловажный расходъ. Тѣ же мѣшки, въ коихъ неочищенная шерсть доставляется на мойки, берутся владѣльцами обратно; ибо они бываютъ пропитаны жиромъ изъ рунъ и потому для упаковки чистаго товара не годятся.

Такъ какъ наибольшая часть Харьковскихъ шерстомойныхъ заведеній употребляютъ для очищенія мериносовой шерсти сѣрку изъ шерсти простыхъ породъ овецъ, то здѣсь можно также видѣть и промывку этой послѣдней. Извлекая изъ простыхъ рунъ сѣрку, заведенія чрезъ это совершаютъ надъ очищеніемъ ихъ половину работы; стоитъ только употребить еще небольшой трудъ, то простая шерсть будетъ вполнѣ очищена и можетъ быть сбыта изъ заведеній въ чистомъ видѣ съ нѣкоторою выгодою. По этому, я считаю не излишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о промывкѣ простой шерсти, какъ о предметѣ, имѣющемъ нѣкоторую связь съ очищені-

емъ шерсти мериносовой. Впрочемъ, прошедшимъ лѣтомъ для заведенія г. Рыжова было пріобрѣтено покупкой 25,000 пудовъ шерсти простыхъ породъ овецъ, не только съ тою цѣлью, чтобы извлекать изъ нея потребную для заведенія сѣрку, но чтобы приготовить эту шерсть для фабрикъ, производящихъ армейскія сукна.

Очищеніе простой шерсти очень не многосложно. Сперва извлекаютъ изъ нея сѣрку. Какъ это дѣлается—мы уже видѣли въ своемъ мѣстѣ. Потомъ шерсть относятъ на плоты и промываютъ въ рѣкѣ; но промывка въ настоящемъ случаѣ совершается нѣсколько иначе, чѣмъ та, которую я описалъ выше. Въ отверстія плотовъ вставлены деревянныя рамы. Къ рамамъ подвѣшена веревчатая сѣтка. На сѣткѣ работницы полощутъ клочки шерсти руками и колотятъ на плотахъ валькомъ. Если такимъ способомъ клочокъ не вполнѣ очищается, то его опускаютъ на нѣсколько минутъ въ кадку съ простою сѣркою и снова промываютъ на сѣткѣ и выколачиваютъ валькомъ. Вымытая шерсть относится съ плотовъ на досчатый помостъ. Здѣсь ее сортируютъ, или лучше сказать разбираютъ. Разборка эта основывается только на цвѣтѣ шерсти; именно: шерсть одноцвѣтную отбираютъ въ одинъ сортъ. Такимъ образомъ у г. Рыжова составляется изъ простой шерсти шесть сортовъ: бѣлый,

свѣтло-сѣрый, сѣрый, темно-сѣрый, свѣтло-черный и черный. Къ нимъ присоединяется еще бракъ, состоящій изъ клочковъ желтыхъ и желтоватыхъ. На другихъ мойкахъ составляютъ только два сорта, сѣрый и черный, да присоединяютъ къ нимъ еще бракъ, въ который идутъ части рунъ, мало годныя для пряжи. Разобранную шерсть просушиваютъ на вѣшалахъ, которыя отличаются отъ описанныхъ выше только тѣмъ, что между стойками натянуто не болѣе одной веревки; ибо просушиваемые клочки простой шерсти обыкновенно бываютъ велики и требуютъ много пространства. Вотъ вся работа очищенія простыхъ рунъ; впрочемъ иногда передъ запаркою отрубаютъ отъ нихъ топоромъ тѣ клочки, на коихъ налипла грязь въ видѣ комковъ, что замѣчается особенно около хвоста. Немытая простая шерсть складывается обыкновенно подъ открытымъ небомъ большими кучами въ видѣ копенъ; очищенная же сохраняется въ амбарахъ, иногда упаковывается въ мѣшки, чаще же просто накладывается на телѣги, покрывается ряднами и отправляется на недальнія фабрики.

На сосѣднія фабрики отправляется также часть мериносовой обножки и вообще низкіе сорты шерсти, которыхъ перевозка до Москвы не всегда можетъ окупиться ихъ цѣнностію.

Упомяну здѣсь еще объ одномъ обстоятельствѣ, именно о томъ, что на Харьковскихъ мойкахъ каждая часть работы имѣетъ своего особаго надзирателя, который обладаетъ, по своей части, достаточными свѣдѣніями. Вслѣдствіе этого обстоятельства, для моекъ не требуется, за исключеніемъ сортировщицъ и отчасти переборщицъ, особенно искусныхъ работницъ: здѣсь надзиратель представляетъ собою искуство, или голову, а отъ рабочихъ нуженъ только трудъ, или руки.

И такъ, изъ того, что мы сказали о существующихъ въ Харьковѣ шерстомойныхъ заведеніяхъ, можно заключить, что заведенія эти находятся въ хорошемъ состояніи; если же мы замѣчаемъ въ нихъ нѣкоторые недостатки, то недостатки эти происходятъ вообще отъ несовершеннаго еще состоянія нашей отечественной промышленности. Дѣло въ томъ, что никакая вѣтвь промышленности не можетъ сдѣлаться совершенною вдругъ; тѣмъ болѣе, что каждая вѣтвь промышленности обусловливается какою-нибудь другою вѣтвью; вся же промышленность вмѣстѣ находится въ тѣсной связи съ нравственнымъ и физическимъ благосостояніемъ народа. Подымется одно звѣно въ этой неразрывной цѣпи, подымется за нимъ и другое, но на все потребно время и постоянныя усилія.

Но важнѣйшее обстоятельство заключается въ томъ, что въ настоящее время работа въ шерстомойныхъ заведеніяхъ Южной Россіи доставляетъ уже пропитаніе нѣсколькимъ десяткамъ тысячь людей. Въ одномъ Харьковѣ въ лѣтній рабочій день бываетъ на мойкахъ до 2,500 рабочихъ, преимущественно женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей. Особенно важны мойки для большихъ городовъ. Если бы этихъ заведеній въ городахъ не было, то многія изъ работницъ, снискивающихъ себѣ нынѣ пропитаніе честнымъ трудомъ, не имѣя возможности заняться земледѣліемъ, или обратиться къ какимъ-либо ремесламъ, нуждались бы въ хлѣбѣ, или предались бы даже разврату. Особенно пріятно видѣть на мойкахъ дѣтей. Вмѣсто того, чтобы возрастать въ праздности и безъ надзора, какъ это мы замѣчаемъ между дѣтьми простаго народа въ нашихъ городахъ, они пріучаются здѣсь къ труду и находятся подъ присмотромъ. Да и работою дѣти здѣсь не обременены; ибо имъ поручаются посильныя занятія, при которыхъ они постоянно находятся въ движеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучаются къ такимъ работамъ, которыя могутъ доставить имъ впослѣдствіи безбѣдное существованіе. Можно сказать, что мойки въ большихъ городахъ составляютъ для дѣтей родъ пріютовъ. Въ Харьковѣ можно замѣтить только одно неудобство, происхо-

дящее отъ моекъ; именно: онѣ портятъ воду въ Лопани. Но такъ какъ здѣшнія мойки находятся ниже города, то неудобство это легко устранить: стоитъ только устроить плотину на Лопани ниже того мѣста, въ которомъ впадаетъ въ нее рѣчка Харьковъ. Такимъ образомъ сообщеніе между водою испорченною и чистою будетъ преграждено. Учрежденіе же моекъ на небольшихъ рѣкахъ выше городовъ, кажется, не должно быть дозволяемо.

Въ заключеніе статьи, мнѣ остается только пожелать, что бы шерстомойныя заведенія въ Южной Россіи развивались, совершенствовались и приносили краю всевозможныя выгоды, а также поблагодарить тѣхъ владѣльцевъ и смотрителей Харьковскихъ моекъ, которые радушно допускали меня изучать ихъ промышленность.

С. Ходецкій.

[illegible]

7. Марта

1849. г.

